

Девочка, которой я была

Дженнифер
Круз

Она хочет исправить
девочку, которой была

Trendbooks

Дженива Роуз

Девочка, которой я была

«Издательство CLEVER»

2021-2024

Роуз Д.

Девочка, которой я была / Д. Роуз — «Издательство CLEVER»,
2021-2024 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00-252738-0

Можно ли исправить настоящее, изменив себя в прошлом? Вдохновляющий роман о втором шансе и важности принятия своих недостатков от Дженивы Роуз – автора бестселлеров New York Times. «Девочка, которой я была» – согревающая история об исцеляющей силе любви к себе. Роман с атмосферными черно-белыми иллюстрациями в оформлении глав, наполненный ностальгией по Америке 2000-х, размышлениями о дружбе, любви, времени и ответственности. Алексис Спенсер знает вдохновляющие цитаты на любой случай, особенно для оправдания собственных провалов и неудач. У нее почти нет друзей, а студенческий долг не уменьшился с выпускного. Но это все мелочи, ведь «чему быть, того не миновать». Когда в один день она теряет работу и отношения, нет цитаты, которая могла бы ее утешить. По привычке Алексис винит всех вокруг – мир, обстоятельства и даже себя прошлую, что недостаточно старалась. В приступе жалости к себе она открывает бутылку водки, пылившуюся со времен колледжа, а дальше все как в тумане... Наутро она приходит в себя не дома. Не в своем городе. И кажется, не в своем времени... Если вы ищете интересные книги на выходные, книги для взрослых про принятие себя, книги 18+ и книги художественная литература редакции Trendbooks, вас интересует художественная литература взрослая иностранных авторов, «Девочка, которой я была» для вас.

ISBN 978-5-00-252738-0

© Роуз Д., 2021-2024

© Издательство CLEVER, 2021-2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дженива Роуз

Девочка, которой я была

Copyright © 2021 by Jeneva Rose

Copyright © 2024 by Jeneva Rose, revised text edition

Изображения в блоке использованы по лицензии © Shutterstock

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Девочке, которой я была.

Без тебя я не стала бы собой

Дорогой читатель!

Если вы выбрали эту книгу, потому что любите мои триллеры, имейте в виду: этот роман не имеет с ними ничего общего. Он написан от сердца, и я буду счастлива, если он придется вам по душе. Спасибо за то, что читаете мои книги.

С любовью, Дженива Роуз

Глава 1

Алексис

Постукивая пальцами по письменному столу, бросаю взгляд на часы в правом нижнем углу монитора. Вот только милого цокающего звука ногти не издают – у меня привычка их грызть. Все тридцать с лишком лет, что живу на свете, я пытаюсь отучить себя от этой привычки. Но безуспешно. Странные они, эти ногти. Постоянно норовят оказаться поближе к зубам. Словно жаждут быть обкусанными.

До конца рабочего дня две минуты, но для меня они растянулись в вечность – настолько не терпится вернуться домой и подготовиться к особенному свиданию, которое запланировал мой бойфренд Эндрю. Я понятия не имею, куда мы пойдем и что будем делать, но Эндрю велел одеться наряднее. А для этого необходимо время; шутка ли – перемерить не меньше дюжины различных вариантов! Правда, скорее всего, я остановлюсь на самом первом. Так обычно бывает.

Из оцепенения меня выводит звук выдвигающихся и задвигающихся ящиков в соседних кабинках. Шарканье ног и чей-то громкий смех сигнализируют об окончании рабочей недели.

Рука тут же подлетела к компьютерной мыши. Но в тот момент, когда я собиралась выйти из системы, в верхней части моей электронной почты засветилось письмо с темой: «ПОЖАЛУЙСТА, ЗАЙДИТЕ В ОТДЕЛ КАДРОВ». Я готова взвыть: начало уик-энда под угрозой срыва! Но взгляд уже скользит к календарю, приколотому кнопками к стенке моей кабинки. Останавливаюсь на словах, написанных и подчеркнутых напротив понедельника: «Годовщина: год работы!»

Прочитав надпись, да еще подкрепленную письмом из отдела кадров, я не смогла сдержать улыбку. Большинство людей опасаются вызовов кадровика, если только они не контрактные сотрудники и не уведомлены о том, что их должность станет постоянной по истечении года работы. А это как раз мой случай! Я, Алексис Спенсер, пока внештатный менеджер по ведению социальных сетей. Но вскоре буду работать на постоянной основе. И кадровичка, должно быть, в преддверии выходных решила поднять мне настроение добрым известием. Как мило с ее стороны! Впрочем, я почти год отвечала в Сети на комментарии потребителей, жалующихся на слишком тонкую туалетную бумагу или плохую впитывающую способность прокладок, и, безусловно, заслужила это.

С нежностью смотрю на суккулент, стоящий на моем столе. Его подарил Эндрю, когда я получила эту работу. Он сказал, что растение принесет мне успех – иначе и быть не может, ведь это суккулент! Я не уверена, что такая примета действительно существует. Возможно, Эндрю выдумал ее. Но я все равно полюбила растение.

– Вот он и настал, тот самый заветный день, Сукки, – растираю я между пальцами один из плотных, мясистых листочков на удачу. И да, имя, которое я дала суккуленту, должно сказать все, что вам нужно знать обо мне.

Эндрю наверняка будет распирать от гордости. Да это и понятно: я не давала ему поводов гордиться мной на протяжении многих лет. После окончания колледжа в течение десяти лет периоды временного трудоустройства чередовались у меня с безработицей. Но сегодня все переменится!

Улыбаясь, встаю со стула и направляюсь в отдел кадров. Я движусь к цели, тем более что до нее осталось несколько шагов. И если кто-то из моих сослуживцев еще задержался на

работе, у них есть шанс увидеть совершенно другую, новую женщину: голова высоко поднята, плечи расправлены.

Дважды стучу в дверь кабинета кадровички.

– Входите, – откликается Джанет; ее голос приглушен массивным деревянным полотном, как раз и предназначенным для того, чтобы сохранять беседы в стенах ее кабинета конфиденциальными.

Войдя, застаю Джанет за рабочим столом. Наша кадровичка – пышка с темными глазами и вечно хмурым выражением лица (это связано с ее работой, полагаю).

– Здравствуйте, я получила по электронной почте письмо с распоряжением явиться в отдел кадров, – произношу я, стараясь скрыть за рядовой улыбкой переполняющее меня ожидание триумфа.

Джанет откашливается, перекладывает с одного места на другое несколько папок.

– Да. Алексис Спенсер. – Жестом приглашает меня присесть.

– Единственная и неповторимая, – заявляю я, опускаясь на стул. И, заправив за ухо прядку волос, снова одариваю кадровичку обычной улыбкой – не желаю показаться слишком нетерпеливой и выдать, что считала дни до этого знаменательного момента (а я их считала).

– Вы проработали у нас по контракту почти год...

Я киваю; похоже, Джанет тоже вела подсчет.

– И вы отлично справлялись со своими обязанностями, активно участвуя в развитии социальных сетей, рассматривая жалобы потребителей и общаясь с ними.

– Благодарю вас. – Моя натянутая улыбка сменяется искренней. Сейчас все свершится! Я наконец-то стану постоянной сотрудницей.

В моей жизни редко происходит что-то хорошее. Но, похоже, я быстро привыкну к этому пьянящему, головокружительному ощущению успеха – в животе словно порхает рой бабочек. И это заставляет сесть еще чуть прямее. Меня даже не волнует повышение зарплаты. Меня прельщают бонусы! Оплачиваемый отпуск. Дантист. Свой пенсионный счет по пресловутому плану 401 (к)¹, о котором постоянно талдычит Эндрю. Не говоря уже о возделенной медицинской страховке. В прошлом году, когда я сломала руку, упав с лестницы в баре, мне оставалось только уповать на то, что кости со временем срастутся правильно и все обойдется без последствий. А когда я попала в аварию – хорошо, в две аварии, – я оба раза отказалась от скорой помощи и вызвала такси, чтобы доехать домой. Да, конечно, мне пришлось заплатить таксистам за уборку салонов, поскольку я заляпала кровью обивку, но зато я сэкономила кучу баксов и не умерла. Выгадала! А теперь я наконец буду проходить ежегодный медосмотр. Из-за того, что власти отказали отцу в моем медицинском обслуживании в тот день, когда мне стукнуло двадцать шесть, последний раз я проходила его шесть лет назад. Не слишком приятный подарок ко дню рождения... Но теперь я обязательно отправлюсь в клинику со своим личным полисом и заявлю там: «Док, у меня есть и постоянная работа, и страховка. Обследуйте меня с головы до пят».

– Однако... – Джанет колеблется, опустив взгляд на папку, но вскоре вновь поднимает его на меня. И поджимает губы, прежде чем произнести: – Мне жаль это говорить, Алексис, но мы вас отпускаем.

– Отпускаете меня? Куда? – спрашиваю я.

Кадровичка смотрит на меня безучастно:

– Из компании.

---

¹ План 401 (к) – это наиболее популярный пенсионный план (накопительный пенсионный счет) частной пенсионной системы в США. Свое название план получил по номеру статьи Налогового кодекса США – 401 (к). – *Примечание переводчика. Далее – примечания редактора.*

– Что-что? – Запнувшись, я наклоняюсь вперед. – Почему? Меня заверяли, что через год работы по контракту я получу постоянное место.

Джанет трясет головой:

– Боюсь, такому не бывать. Компания решила делегировать ряд задач сторонним подрядчикам.

Мои глаза распахиваются в изумлении.

– Но они же уже делегированы. Мне.

– Отныне руководство планирует привлекать контрактников даже не на этом континенте. Я сожалею, но нам опять урезали бюджет, и мы вынуждены сокращать расходы... так или иначе. – Джанет продолжает смотреть через мое плечо; взгляд ее мечется из стороны в сторону, как маятник тех чертовых часов, чье тиканье я слышу за спиной. Ей хочется покончить с неприятной формальностью и забыть про работу на выходные.

– Понятно, – лепечу я. – Но мне хотя бы полагается выходное пособие? – Я толком и не знаю, что это такое, но слышала подобную фразу в одном из эпизодов комедийного сериала «Офис».

– Нет, – произносит Джанет так медленно, как будто разговаривает с ребенком. – Вы внештатный сотрудник, и вам не положены никакие пособия. – Опять откашлявшись, кадровичка встает. – Мне нужно, чтобы вы освободили свой стол и сдали пропуск.

Я опускаю глаза на бейджик, приколотый к блузке. У него красная рамочка, а не зеленая, как у постоянных сотрудников компании. Имя и фамилия – Алексис Спенсер – выведены жирными черными буквами под снимком, на котором я запечатлена в своем лучшем прикиде, с улыбкой до ушей. Это фото было сделано в мой первый рабочий день в компании.

– А можно я оставлю его себе? – спрашиваю я, поглаживая жесткий пластик. – На память.

Джанет протягивает руку ладонью вверх:

– Нет. Из соображений безопасности уволенным сотрудникам не разрешается сохранять у себя пропуск.

Вздыхнув, я медленно отцепляю бейджик от блузки, чтобы сдать кадровичке. Но пальцы сжимаются, норовя удержать его хотя бы еще на секунду. Джанет чуть ли не силой вырывает пропуск. А затем достает из-за стола картонную коробку и ставит передо мной:

– Я сопровожу вас до рабочего места, чтобы вы смогли собрать вещи.

Неохотно поднимаюсь со стула и беру коробку.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы меня сопровождали до рабочего стола. Пока еще держусь на ногах, – шучу я, но голос ломается, выдавая неуместную браваду.

Джанет бросает на меня строгий взгляд:

– Это политика компании, Алексис.

Бессмысленные правила всегда выпендренно именуется «политикой». Обезоруженная, я выхожу следом за Джанет из кабинета и плетусь за ней по коридору. Пока мы идем, кадровичка то и дело оглядывается на меня. Как будто я какая-то преступница, за которой надо следить в оба.

– Я буду здесь на тот случай, если вам что-нибудь понадобится, – говорит Джанет, останавливаясь у моего крошечного темного закутка.

Еще несколько минут назад этот уголок с тонкими перегородками казался райской обителью, из которой мне должны были открыться врата в еще более величественный чертог. А теперь эта клетушка напоминает открытый гроб для моих надежд и мечтаний. Оглядев рабочий стол, сознаю: все на нем, за исключением Сукки, принадлежит компании.

– По-моему, мне не потребуется коробка, – бормочу я, протягивая руку к растению. Но случайно опрокидываю горшок, и на моем бывшем столе рассыпается земля. – Беру свои слова назад.

Через несколько минут Джанет закрыла за мной парадную дверь, поспешно заперла ее на замок (словно опасалась, что я ворвусь обратно в здание) и помахала из-за стекла. И вот я бреду по оживленным улицам Чикаго, сжимая коробку, слишком большую для крошечного растения.

Люди высыпают из высотных зданий «Петли»², торопясь проскочить без пробок домой, чтобы встретить уик-энд. Но какой уик-энд у безработной? Просто конец временного отрезка? Ведь отныне мне не придется трудиться пять будних дней. Я всей грудью вдыхаю бодрящий городской воздух – комбинацию дизельного топлива автобусов, хот-догов и халяльных фуд-кортов. Издалека доносятся автомобильные гудки и вой сирены – непрменный атрибут любого крупного города. Уже середина октября, и на улице довольно зябко, из-за ветра, дующего с озера Мичиган, становится все холоднее. Опустив коробку на асфальт, я надеваю жакет, обеспечив себе уровень защиты, недоступный Сукки. А когда снова подхватываю коробку, горшок опрокидывается вторично. Несчастный суккулент, похоже, этого не переживет. А я? Переживу? Не уверена...

В этот момент вибрирует телефон. Я достаю его из сумки. Это Эндрю.

– Привет, – щебечу слишком радостно.

– Алексис? Что стряслось? – тут же спрашивает Эндрю.

Мы знаем друг друга четырнадцать лет. Так что он прекрасно осведомлен о том, что я особа не очень веселая, особенно после долгого рабочего дня. Поначалу мы с Эндрю просто дружили. Потом сошлись ближе, но пробыли парой полгода. Время для таких отношений оказалось неподходящим, и мы снова стали друзьями. Лучшими друзьями, из тех, что тайно любят друг друга, но очень боятся в этом признаться (из страха потерять другого). Но в конце концов мы преодолели все страхи и опасения, сумели вновь найти дорогу друг к другу, и с тех пор вместе. Думаю, мы могли бы уже быть женатыми и даже иметь детей. Но я из тех, кого «не так-то легко любить». Сразу оговорюсь: это мои слова, не Эндрю.

– Ничего... Просто закончила работать и иду сейчас домой. – Я умалчиваю о том, что работать в компании закончила навсегда.

Врезавшийся в мое плечо бегун чуть не выбивает коробку из рук. Я с трудом, но все-таки удерживаюсь от того, чтобы наорать на него. Потому что понимаю: стоит мне это сделать, и я сломаюсь окончательно.

– А-а, понятно. Ладно. Ты предвкушаешь наше особенное свидание сегодня? – спрашивает Эндрю.

Запрокинув голову и глядя вверх, я беззвучно вою в небо. Свидание – это последнее, чего мне в данный момент хочется.

– Конечно, – вру я, силясь придать голосу восторженное нетерпение.

– Отлично. У меня получится уйти с работы пораньше, так что скоро буду дома. Люблю тебя, – говорит Эндрю.

Мне кажется, он сейчас улыбается. Эх, как бы мне хотелось соответствовать Эндрю! Разделить его энтузиазм. Но, увы, он мне не свойственен. И никогда не был присущ, если не считать тех мимолетных мгновений счастья, что я сегодня испытала, перед тем как все рухнуло. Мне не стоило обнадеживать себя, ведь я же знаю: мои надежды никогда не оправдываются. И ничем хорошим для меня ничего и никогда не заканчивается.

Я пыталась быть оптимисткой. Правда пыталась. Но это невозможно. На самом деле это биология, как я поняла со временем. Древний защитный механизм. Люди изначально все видели в худшем свете, они должны были относиться ко всему с подозрением, чтобы уберечь себя от потенциальной опасности – например, от тигра, прятавшегося в густых зарослях. Конечно, человечество со временем изменилось и всякое такое. Но, похоже, я, в отличие

---

² «Петля» (Chicago Loop) – название исторического делового центра города Чикаго.

от Эндрю, не эволюционировала. И по-прежнему остаюсь своей примитивнейшей версией. И даже два десятка книг по личностному росту, прочитанных для развития позитивного мышления, не сотворили чуда. Сказать по правде, они сделали меня еще большей пессимисткой.

– Я тоже тебя люблю.

Закончив разговор, замираю у кромки тротуара. Наблюдаю за проносящимися в обе стороны автомобилями. Я уже понимаю: особенного свидания у нас с Эндрю сегодня вечером не получится. Потому что я хорошо себя знаю.

Глава 2

Облаченная в клетчатую пижаму, я лежу на кровати с пакетом попкорна «Скинни Поп». Не знаю, почему я всегда покупаю попкорн именно этого бренда. Да, в нем меньше калорий, но ведь обычно я опустошаю весь пакет, а он значительно больше стандартного. Так что по факту я попросту лишаю себя пачки вкусного сливочного масла. Ну и ладно! Я бросаю в рот очередную горсть попкорна вдогонку к вину «Пасо Роблес», полбутылки которого уже плещется в моем желудке. Другая половина поджидает на кухне, охлаждаясь в холодильнике до нужной кондиции.

Дверь в нашу квартиру открывается и закрывается. Тяжело сглотнув, я продолжаю бурлить взглядом телевизор на длинном туалетном столике: готовлюсь к предстоящему выяснению отношений. По телику идет шоу «Холостяк», но драма там грозит померкнуть на фоне той, что может разыграться в этих стенах.

– Алексис, я дома. Ты уже собралась? – выкрикивает Эндрю. – Я только по-быстрому переоденусь и тоже буду готов, – добавляет он под аккомпанемент своих шагов, эхо которых разносится по коридору.

Через несколько секунд дверь в нашу спальню распаивается. И в проеме появляется мой бойфренд в костюме, галстук и в очках в черепаховой оправе.

– Что ты делаешь? – хмурится он, поглядывая на наручные часы. – Мы должны выдвинуться в течение получаса.

– Мне нездоровится, – отвечаю я, потягивая вино.

Глаза Эндрю расширяются, рука скользит по волосам. Они у него каштановые, с сероватым подтоном, и стоят по стойке смирно благодаря дорожке глины для укладки, которую он каждое утро в них втирает. За долгий рабочий день и дорогу домой из строя выбилась лишь пара прядок.

– Если тебе нездоровится, почему ты пьешь вино? – Эндрю бросает неодобрительный взгляд на бокал, зажатый в моей руке.

– Оно меня согревает, – говорю я, вновь уставившись в телеэкран.

Эндрю пересекает комнату и присаживается рядом со мной на кровать:

– Что происходит, Алексис? – Он убирает прядь волос с моего лица за ухо.

Я упорно избегаю его взгляда. Потому что знаю: стоит встретиться с Эндрю глазами – и напускная маска спокойствия тут же слетит и я расплачусь.

Взяв с прикроватной тумбочки пульт, Эндрю приглушает звук телевизора:

– Я же вижу, что что-то не так. Может быть, расскажешь, в чем дело? Мы вместе обсудим проблему.

– Мне нечего рассказывать, – бормочу я, вскакиваю с кровати и устремляюсь в кухню теперь уже с пустым винным бокалом в руке.

Чикагский горизонт сверкает в окнах нашей гостиной от пола до потолка: миллион ярких огней на фоне черной ночи. Когда мы с Эндрю только заселились в эту квартиру, я пребывала в трепетном восторге от волшебного зрелища. Думала, что никогда не буду воспринимать его как должное. Но человек ко всему привыкает, даже к самым живописным вещам. И я тоже привыкла к этому потрясному виду.

Эндрю тащится следом за мной. Все еще пытается давить:

– Ты не одурачишь меня своей наигранной обыденностью. Я слишком давно тебя знаю.

Он не собирается сдаваться, но мои упрямство и решимость непоколебимы.

– Мне просто не хочется никуда выходить. Только и всего. – Открыв холодильник, я хватаю бутылку вина и выливаю остаток в бокал. Почти до самого ободка. Идеально!

– Собирайся, Алексис, – нудит Эндрю. – Я запланировал этот выход еще несколько месяцев назад.

– А я передумала час назад, – отхлебнув вина, опустошаю бокал сразу на треть. И внутри мгновенно разливается тепло; я чувствую, что немного расслабилась.

– Ты ведешь себя нелепо. Значит, точно что-то случилось. Что? – Голос Эндрю остается мягким и нежным, но в нем уже засквозило разочарование.

Этим мы с ним отличаемся. Я эмоциональна и импульсивна почти во всех ситуациях. Чтобы я повела себя по-другому, должно произойти что-то из ряда вон выходящее.

Да и вообще, если начистоту, мы с Эндрю совершенно разные. Я блондинка, у него темные волосы. Глаза у меня светло-зеленые, а у Эндрю ярко-карие, с шоколадным отливом. Я небольшого роста, а он очень высокий. И если я смотрю на жизнь с пессимизмом, то Эндрю – неисправимый оптимист. Противоположности притягиваются. Во всяком случае, так говорят.

– Сколько тебе повторять: ничего не случилось. Просто я не настроена куда-то выходить, – пожимаю я плечами.

У меня особая манера поведения в конфликтной ситуации. Единственная вещь, которую я усвоила благодаря своему диплому по социальным коммуникациям: избегание, уклонение от разговора чревато спонтанным выплеском раздражения и даже гнева, что, безусловно, нездорово, но этим мое образование ограничилось. Я отдаю себе полный отчет и... научилась с этим жить.

– Алексис, я зарезервировал для нас столик в «Алинеа»³, – объявляет Эндрю и расплывается в улыбке. – Мы же давно мечтали туда сходить. Это и есть то особенное свидание, которое я запланировал.

Он ждет, что я вмиг передумаю и запрыгаю от радости. Но мой настрой не меняется. К тому же многочасовая дегустация крошечных порций слишком изысканных блюд – это в стиле Эндрю. Не в моем. Я хочу сказать, что обычно получаю удовольствие, наблюдая его счастливое лицо, когда он пробует каждое кушанье и описывает тонкие нотки вкуса, которые лично я не различаю. Но сегодня вечером мне это не доставит радости, потому что я несчастна.

– Мы можем сходить туда в другой раз.

– Ты же знаешь, как непросто там зарезервировать места. Пожалуйста, Алексис! Ради меня! Неужели ты не можешь взять себя в руки? Соберись! – не сводит с меня умоляющего взгляда Эндрю.

«Саморазрушение: начинается активация», – предупреждает тонкий голосок в голове. Я снова отхлебываю вино, горячего хватает на слабый шепот:

– Почему бы тебе не пойти туда одному, раз для тебя это значит так много? А еще лучше – своди туда другую девицу, – прищуриваюсь я.

– Что? – Эндрю впивается в меня диким взглядом под стать моему возмутительному предложению. – Как только ты могла подумать о таком?

Я не отвечаю, потому что сказать мне нечего. Я сморозила глупость. Ляпнула первое, что пришло в голову.

Эндрю закрывает глаза, трет рукой лоб.

– Ладно, я отменю бронь, если ты этого хочешь, – говорит он, расстегивая белые пуговицы на манжетах такого же цвета и закатывая рукава.

– Да, именно этого я и хочу, – вскидываю подбородок, игнорируя его приунывший вид.

– Хорошо, – с тяжелым вздохом произносит Эндрю, ослабляя узел галстука. – И чем бы ты хотела заняться вместо похода в «Алинеа»? – Его взгляд скользит к картонной коробке,

---

³ «Алинеа» (Alinea) – всемирно известный ресторан высокой кухни в Чикаго. Бронирование столиков является обязательным условием посещения этого ресторана и довольно простым из-за огромной популярности места.

стоящей на кухонном столе, – той самой, которой одарила меня сегодня Джанет по случаю увольнения.

Черт! Я забыла ее выбросить! Это последнее, о чем мне хотелось бы сейчас говорить. Я не из тех людей, что любят пережевывать и прорабатывать проблемы. Предпочитаю их избегать, заминать и замалчивать.

Эндрю пересекает комнату, берет в руки захилевший суккулент. Внезапно в памяти всплывает воспоминание о том, как он его дарил. Эндрю сиял, вручая мне маленькое растение. Он даже вернулся с работы домой раньше, узнав о том, что я наконец-то получила место – спустя почти год безуспешных поисков! Моя новая должность тоже была временной, как и все, которые я занимала прежде, но она окрылила меня перспективой получить по истечении года постоянное место в компании. Взяв тогда подарок Эндрю в руки, я поглядела на мясистый маленький росток и, помнится, подумала о нескольких вещах:

1. Это был самый очаровательный подарок из всех, что мне когда-либо вручали.

2. Мне не верилось в то, что Эндрю доверил мне живое существо.

3. Этот суккулент соотнесся у меня с успехом, работой и Эндрю, и, пока я могла поддерживать в нем жизнь, у меня все это было бы – и зеленый питомец, и работа, и Эндрю.

Воспоминание меркнет быстро – едва я сознаю, что Сукки не перенес дороги домой. А разве он мог не погибнуть сегодня? Раз я лишилась разом и работы, и заветного успеха?

– Эй, это же растение, которое я тебе подарил. Что с ним случилось? – Нахмурившись, Эндрю пристально смотрит на меня. – Ты что... потеряла работу?

Мои щеки краснеют до оттенка каберне, которое пью.

– Это тебя не касается, – вновь прищуриваюсь я, перехватив его недоверчивый взгляд.

– Мы партнеры, Алексис, так что меня это тоже касается. И тебе не следует проявлять такую воинственность. Просто расскажи, что произошло.

– Произошло то, что случается со мной постоянно. Вселенная опять макнула меня лицом в дерьмо. Ты же знаешь, что у меня за жизнь... Сплошное дерьмо. Так было всегда, и так будет дальше.

– О господи, опять ты за свое! – восклицает Эндрю.

«Саморазрушение активировалось», – сообщает мне слабенький, тоненький голосок.

– Да отвали ты! И так тошно, – взвизгиваю я и, тряхнув растрепанными волосами, мчусь к спальне.

Да, я умею все драматизировать до предела и закатывать сцены. Чем сильнее реакция, тем лучше. Окажись у меня на пути маленький приставной столик или напольный вентилятор, я непременно пнула бы его и опрокинула на пол, чтобы подчеркнуть силу гнева.

– Знаешь что, Алексис?

– Что, Эндрю? – шиплю я, резко разворачиваясь к нему лицом. Бокал с вином уже у губ – там, где ему и пристало быть.

Дерьмово-коричневые глаза Эндрю расширяются.

– Тебе нужно... тебе пора повзрослеть! – заявляет он.

Обычно, когда я не злюсь, я нахожу цвет глаз Эндрю необыкновенно притягательным – молочно-шоколадным или еще какого-нибудь приятного коричневого оттенка. Но не сейчас. Вот именно в этот миг его глаза схожи цветом с дерьмом.

Я отхлебываю из бокала. Малиновое вино оставляет яркий след на моем остром языке, уже готовом к перепалке.

– Мне за тридцать. Я взрослая и всегда ею была. Премного благодарна за дурацкий совет.

– Алексис, посмотри на себя, – указывает на меня Эндрю, как будто я не знаю, что из себя представляю. – Ты только что потеряла работу. Из всех моих знакомых ты единственная видишь во всем лишь самое худшее. И ты настолько увязла в прошлом, что уже практически не в состоянии жить настоящим. Твоя жизнь не такая, как тебе хотелось бы, потому что ты

считаешь, будто бы вселенная от тебя отвернулась или ты родилась несчастливой. Нет, Алексис, она такая, потому что ты никогда и ни за что не брала на себя ответственность. – Эндрю делает долгий, глубокий вдох.

Я еще не видела его таким сердитым. Наши ссоры обычно походили на пламя свечи – маленькое и легко гаснущее. Но эта стычка поистине эпическая по сравнению с прежними. И у меня вдруг возникает ощущение, что она только разгорается.

Глаза Эндрю жуткого дерьмового оттенка так пылают, что мне приходится отвести взгляд. На пару секунд. Эндрю словно готовится к схватке. Вылитый бык, плящущийся на матадора.

Снова встретившись с ним взглядом, я резко подношу бокал ко рту и вливаю в глотку жидкость, для храбрости. Я даже не сомневаюсь, что она быстро перебродит и я стану жалеть о выпитом. Но этот щедрый глоток дает мне немного времени, чтобы придумать нечто умное или веселое, что можно было бы сказать в ответ Эндрю. Я ведь еще не решила, какой стратегии придерживаться. Несколько капелек, соскользнув с губ, окропляют ворот пижамы. Смахнув их свободной рукой, я проклинаю про себя заляпанную красными кляксами ткань, из-за которой выгляжу теперь еще ужаснее.

Ладно! Да, я всегда списываю неудачи на невезение или на свое паршивое прошлое. Эндрю знает меня лучше, чем я сама (хотя я никогда не призналась бы ему в этом). В силу своего продолжительного присутствия рядом он имел «удовольствие» наблюдать мою студенческую версию – в то время я была разбитной тусовщицей, вытворявшей то, что хотелось, и плюющей на всех с высокой колокольни. Это она, та девчонка из колледжа, виновата в моей нынешней жизни.

Посудите сами: в восемнадцать лет я руководствовалась избитыми цитатами и поговорками, оправдывая ими провалы и неудачи, свою лень, изъяды и пороки – по сути все, что не ладилось в жизни. Я жила чужими мыслями вместо того, чтобы пытаться измениться самой, действительно стать лучше. Вот некоторые из тех изречений, которыми я «вдохновлялась»:

«Ничто не происходит без причины».

«Чему быть, того не миновать».

«Неприятности нужны нам для того, чтобы научиться ценить хорошее».

«В итоге все устаканится».

«Что ни делается, все к лучшему. А если лучшее в конце концов не наступает, значит, это еще не конец».

«Будь что будет» (а в приподнято-праздничном настроении – «Que será, será»).

Но, оказывается, вдохновляющие изречения расхолаживают и лишают стимулов к саморазвитию, если вырваны из контекста и попали не тому человеку. Эти «установки, которым стоит следовать по жизни» стали моими «установками для перекладывания вины с себя на кого-то другого или что-то другое». Ведь гораздо легче обвинять в своих проблемах вселенную и окружающих. Да и чего уж лукавить: я до сих пор склонна так делать, хотя и не в той мере, как прежде. Я как та мозаика, с которой кому-то надоело возиться, и он решил ее больше не собирать.

Черт! Эндрю все еще смотрит на меня! А я пытаюсь выцедить вино из пустого бокала. Как долго я простояла вот так – попивая воздух?

– Ну, так ты собираешься мне что-либо сказать? – Терпение Эндрю явно на исходе: скрепив на груди руки, он не сводит с меня взгляда.

Отставив бокал на прикроватную тумбу, я выпрямляюсь перед Эндрю и с невозмутимым, почти каменным лицом заявляю:

– Да, я собираюсь сказать тебе кое-что.

В комнате повисает тишина. Я не знаю, что сказать, из-за... Ну да, из-за вина. Это оно виновато в том, что слова не идут. Но я не намерена проигрывать битву. «Думай, Алексис! Думай!» Наверное, мне следует извиниться и покончить со всем этим: сказать Эндрю, что я просто предалась хандре, но быть и делать что-то вместе с ним – именно то, что мне нужно. Мне следует сказать, как сильно я его люблю. Но... это не в моем стиле. Последнее слово должно оставаться за мной. Всегда, даже если оно совершенно ошибочно, ложно и по-идиотски нелепо.

– Так скажи, – напирает Эндрю; на его скулах уже задвигались желваки.

Я стараюсь встать чуть прямее, имитируя уверенность в себе:

– Раз ты обо мне такого мнения, думаю, нам не стоит быть вместе.

– В самом деле? – Расцепив руки, Эндрю делает ко мне полушаг; его глаза ищут встречи с моими. – Ты действительно так полагаешь?

– Да. Да! А ты думаешь, что можешь стоять здесь вот так и устраивать надо мной судилище? Как будто я какая-то негодная, никчемная особа, висящая на тебе тяжким бременем и не дающая двигаться вперед? Но разве не ты захотел со мной встречаться, а потом и жить? Тогда что это говорит о тебе? А может, я такая, какая есть, по твоей милости? И это ты сделал меня жалкой и несчастной?

Это абсолютная ложь. А правда в том, что Эндрю не делает меня несчастной. На самом деле он лучшее, что есть в моей жизни. И он причина того, что я теперь чуточку более сносна, чем была раньше. Без Эндрю я стала бы только хуже, хотя, по-моему, хуже уже некуда. И без него мне негде было бы жить. Я безработная, на мели. И вообще в полном раздрае. Но в запальчивости, когда на кону твое превосходство, ты говоришь жуткие вещи, которые вовсе не подразумеваешь. И делаешь на эмоциях смертельный выстрел. Вот так оно бывает в отношениях.

– Спасибо тебе. – Расслабив плечи и с силой выдохнув через нос, Эндрю прикрывает глаза, а когда они снова распахиваются, я подмечаю в них странный блеск.

Эндрю разворачивается и выходит из спальни, не проронив больше ни слова.

– За что? – спрашиваю я, обескураженная: мне еще не доводилось видеть такой реакции с его стороны.

Я следую за Эндрю, окликаю его в надежде, что он поблагодарил меня за то, что я вскрыла какую-то глубинную проблему в наших отношениях, и его признательность – не сарказм.

У входной двери Эндрю на миг замирает, а потом хватает с вешалки свою куртку и надевает ее:

– Спасибо за то, что не дала мне сделать самую большую ошибку в жизни. – Опустив голову, он снова на секунду застывает, а затем достает из кармана куртки маленькую голубую коробочку. Не просто голубую, а того волшебного, самого прекрасного цвета в мире – нежного, светло-бирюзового оттенка «тиффани».

Эндрю резко открывает ее, и кольцо с искрящимся бриллиантом заставляет потускнеть рождественские гирлянды, свисающие с нашего балкона. Стыдно, что они еще там, мне давно их следовало снять, но уже не за горами следующее Рождество – так какой смысл их убирать?

Не успеваю я выпалить «Да», как Эндрю с хлопком закрывает коробочку. Хлопок отдается эхом, как в фильме «Красотка». Только, в отличие от Ричарда Гира, Эндрю не шутит. Я вскидываю на него глаза, полные слез:

– Ты... ты собирался сделать мне предложение?

Губы дрожат. Я силюсь удержать их, но уже дошла до той точки, когда печаль преодолевает тебя и ты не можешь с ней совладать. Сначала теряешь контроль над лицевыми мышцами. Потом дыхание учащается, становится неровным, прерывистым, как при тяжелой, скрипучей икоте, постыдной и смущающей. А затем твое лицо морщится, как смятая алюминиевая

фольга, независимо от количества ботокса, который в тебя вколот. Потому что эта печаль глубже и сильнее анестетика.

Глаза Эндрю тоже наполняются слезами, пока он тщится скрыть свое разочарование.

– Да, собирался. Вот почему этот ужин так много значил для меня. Дело не в ресторане и не в изысканной кухне. А в тебе. Я всегда все делал лишь ради тебя.

Я протягиваю Эндрю руку, но он не подхватывает ее. Не получив поддержки, рука падает и повисает плетью.

О боже! Что же я наделала? Ну почему я всегда все порчу? Ведь прямо сейчас я могла бы уже сфоткать свое потрясающее кольцо и загрузить снимки во все доступные мне социальные сети, показав миру, что я не лузер и есть человек, которому я нравлюсь настолько, чтобы надеть на мой палец обручальное кольцо, а я достойна любви и преданности. Но вместо этого я наблюдаю, как рушатся мои отношения, – быстрее, чем опустела бутылка вина, которую я недавно уговорила.

– Я люблю тебя, Алексис, – говорит Эндрю с абсолютной, неподдельной искренностью.

– Я тоже тебя люблю, – быстро отвечаю я, не дожидаясь злополучного «но» или другого гаденького противительного союза, грозящего перечеркнуть чувства Эндрю ко мне.

– Но... – произносит он.

Черт-черт-черт! Вот оно...

– Одной любви к тебе уже просто недостаточно. Я люблю тебя всем сердцем, всем своим нутром и существом, но этого недостаточно. Как я могу планировать жизнь с тобой, когда ты настолько увязла в прошлом, что даже не в состоянии представить свое будущее? – поджимает губы Эндрю.

Я допускаю, что это риторический вопрос, но мне необходимо на него ответить. Слезы просыхают на глазах быстрее, чем я смогла бы их вытереть.

– Эндрю, я... – силось выдавить спасительные слова, но они намертво застревают в глотке.

– Я знаю. – Эндрю опускает коробочку в нагрудный карман. – И я люблю тебя, Алексис, но я ухожу от тебя.

Что я наделала? Эндрю для меня – все! Он не может, не должен уйти. Мы не должны расстаться. Я думала, это всего лишь очередная глупая стычка, а оказалось – война.

Отвернувшись, Эндрю тянется к дверной ручке. Я хватаю ее, падаю перед ним на колени, прошу и умоляю – впервые в жизни!

– Пожалуйста! Не делай этого, Эндрю! Я люблю тебя так сильно, что мне больно, – всхлипываю я, цепляясь за парня, но он отстраняется и выходит за порог без единого слова.

А я так и остаюсь на коленях, безутешно рыдая. Вот оно, дно, я достигла его.

Глава 3

Каким-то образом после безудержного плача, показавшегося мне длиною в жизнь, я умудряюсь подняться с пола, доковылять до кухни и схватить еще одну бутылку вина. Вынув пробку, отхлебываю его прямо из горлышка. Ведь именно так мы поступаем в подобных ситуациях. Зачем тебе посредник в виде бокала, когда нужно залить горе? Будь у меня мороженое, я бы облепила им все лицо немедленно.

Бесцельно шатаюсь по квартире. Она кажется теперь чужой, ведь, как и офисная кабинка, она больше не моя. С бутылкой вина забредаю в кладовку возле второй спальни. Не переставая прикладываться к горлышку, изучаю руины нашего бывшего любовного гнездышка. Кладовка забита бумагами и коробками, хаотично нагроможденными на полках и готовыми в любой момент свалиться. Все эти бумаги и коробки принадлежат мне. Это физическое воплощение моей жизни. При закрытой двери создается иллюзия, будто все за ней расставлено по местам. Полный порядок. Но за порогом неприкрытая правда.

«Ничего не бывает без причины, – напоминаю себе между рыданиями. – Что ни делается, все к лучшему. А если лучшее в конце концов не наступает – значит, это еще не конец».

Мой взгляд привлекает коробка на верхней полке с надписью «Воспоминания студенческой поры». И я тяну к ней руку, потому что именно с той поры, с учебы в колледже, все пошло не так, как надо. Коробка с громким стуком падает; ее содержимое извергается на пол, как рвота: фотоальбомы, рюмки, стопки, компакт-диски, футболки, журналы. Прижав к груди бутылку с вином, я сую пятерню в середину бесформенной груды и вытаскиваю альбом – первый попавшийся под руку.

Листаю страницы с фотографиями, что вставлены в пластиковые кармашки. Пытаюсь вызвать в памяти воспоминания, связанные с каждой из них. Но у меня не получается, потому что все снимки сделаны, когда я была в стельку пьяная или же на пути к этому. Я едва узнаю девчонку на фото – ту, которой была: восемнадцать лет, сорок второй размер одежды, в облегчающих прикидах отъявленной тусовщицы, с вызывающе накрашенными глазами и светлыми наращенными прядками волос, которые падают на маленькую грудь. Настолько маленькую, что та девчонка каждый день молила бога, чтобы грудь у нее поскорее выросла, да побольше. Глаза, покрасневшие и мутные, устремлены туда, где располагалась, как ей думалось, камера. Юная, наивная, безрассудная и беспечная девчонка...

Теперь, в свои тридцать с лишним, я одеваюсь в соответствии с обстановкой. По крайней мере, большую часть времени. И ношу теперь одежду сорок шестого размера, хоть склонна лгать и себе, и другим, будто у меня сорок четвертый размер (когда обезвожена). От наращенных волос я отказалась в пользу более практичной стрижки боб. Мой макияж теперь легкий, призванный подчеркивать черты лица, а не создавать новые. Одежда скромная, не в облипку, оставляющая свободу для движений. Грудь увеличилась на несколько размеров стараниями доктора Керсона. Похоже, Господь не внемлет мольбам о большой груди. Зато на них откликаются пластические хирурги; к ним просто нужно найти правильный подход.

Отхлебнув еще вина, продолжаю изучать альбом. На одном из снимков я стою на коленях: голова запрокинута к потолку, во рту зажата толстая прозрачная трубка. Красная воронка на другом ее конце заполнена до краев каким-то мерзким пойлом типа «Милуокис бест лайт», «Хаммса» или другого самого дешевого пива того времени. На втором фото двое подвыпивших ребят поднимают меня за ноги в воздух, а я руками сжимаю стенки пивного бочонка. На мне джинсовая мини-юбка, которую, на мое счастье, какая-то девчонка удерживает на месте, не позволяя задраться и порадовать всю компанию бесплатным шоу – почти стриптизом. А еще на одной фотографии я, зажав в руке рюмку, позирую с сокурсниками. Никого из них я сейчас не узнаю. А ведь на той вечеринке они наверняка были моими лучшими друзьями. Как и все

люди, с которыми тебя сводят пьяные выходки и желание решить разом все мировые проблемы, глотнув текилы.

Мне всегда хотелось, чтобы воспоминания из колледжа сохранились дольше студенческих кредитов. Но, учитывая, что осталось двадцать две тысячи долларов долга, вряд ли этому суждено сбыться.

Просмотрев еще несколько снимков, я наконец-то хоть кого-то узнаю – девчонок, с которыми мы стоим, сбившись в кучку, плечом к плечу, перед столом для пивного понга. Я в центре в кроп-топе, обрезанном собственноручно, и в облегающих джинсах с низкой посадкой, которые мне явно малы размера на два. На этом фото я не пьяная. Подвыпившая, да. И скоро непременно напьюсь. Но пока еще не пьяная. Я улыбаюсь, мои длинные светлые волосы уложены идеальными локонами, макияж, похоже, нанесен совсем недавно. И глаза еще не остекленели. Этот снимок уникален – можно сказать, «Мона Лиза» в моей фотоколлекции.

Рядом со мной стоит Кэт, она на несколько сантиметров выше меня. Волосы до плеч, уложенные в строгую прическу, которая ей очень подходит, ведь в нашей четверке Кэти играла роль «мамочки». Она всегда успевала отвести мне волосы назад и проследить, чтобы я не захлебнулась рвотой и не умерла от алкогольного отравления. Без Кэти я не перешагнула бы двадцатилетний рубеж. Это точно. Она помогла мне пережить темные и трудные времена, отчасти повинные в том, что я сейчас такая, как есть. После колледжа наши пути разошлись, как расходятся дорожки большинства бывших сокурсников.

Судя по информации в социальных сетях, Кэти вышла замуж и работает сейчас врачом скорой помощи при чикагской больнице. А я так и не нашла работу по специальности, указанной в моем дипломе, ради которого так глубоко погрязла в долгах. А теперь мне, скорее всего, и замуж выйти не судьба, как показали события сегодняшнего вечера.

Как и Кэти, я переселилась в Чикаго. Но не ради блестящей карьеры. Я переехала сюда из-за Эндрю. Его приняли в Школу менеджмента им. Келлога при Северо-Западном университете, и по окончании ее, став магистром делового администрирования, Эндрю получил работу в чикагском офисе международной консалтинговой компании «Бэйн энд компани». Я точно не знаю, в чем заключается его работа, но Эндрю делает много красивых информационных слайдов для презентаций и часто произносит такие заумные слова, как «ЕБИТДА», «частные инвестиции» или «частный акционерный капитал».

Я знаю, что вы думаете. Эндрю – находка, завидный жених! И как такой особе, как я, удавалось удерживать его так долго? Возможно, постоянные командировки и как минимум шестидесятичасовые рабочие недели повлияли на его сердце (от разлуки любовь горячее). Но, по-моему, Эндрю думал, что я неограниченный алмаз, которому необходимо время, чтобы стать бриллиантом. А на поверку оказалось, что я простой грязный камень, который он все время старался отполировать.

Отставив в сторону бутылку с вином, я вглядываюсь в лицо себя прежней.

– Черт тебя подери! – ругаю я девчонку на фото.

Вытащив снимок из кармашка, подношу его ближе к глазам. Взгляд скользит вправо, и я улыбаюсь: рядом со мной стоит хохочущая Никки. Мы с ней были лучшими подругами, соседками по комнате в общежитии и соучастницами пьяных «проделок» (в том смысле, что всегда тусили вместе). И до сих пор остались подругами. Только я должна уточнить: сетевыми, время от времени ставящими лайки под постами друг друга и никогда не забывающими написать «С днем рождения!» в социальных страничках именинницы. Никки теперь замужняя женщина. И дети у нее есть. Она всегда хотела иметь свою семью и реализовала мечту.

Я всматриваюсь в третью фигуру на фото: Клэр. Ее великолепно уложенные волосы насыщенного коричневого цвета, пестрящие высветленными тонкими прядками карамельного оттенка, ниспадают на грудь (большую, натуральную!). Клэр была середнячком во всех областях, не выделялась ничем особенным, за исключением внешности. Да, при ней было все: пол-

ные губы, высокие скулы, фигура песочные часы и большие изумрудные глаза. Большинство девчонок завидовали ей. В колледж Клэр поступила с единственной целью – обрести статус. Но не статус дипломированного специалиста: ее заботила единственная специализация – в качестве «трофейной жены». Пару недель назад я получила от нее уведомление. На плотной, дорогой на вид бумаге было выведено черными округлыми буквами: «Не планируйте ничего на дату бракосочетания доктора Джона Эшфорда и Клэр Дентон». Только Клэр могла добавить слово «доктор» к имени жениха в своем свадебном приглашении.

Несколько месяцев назад мы случайно столкнулись с ней (и, скорее всего, лишь по этой причине я удостоилась приглашения на свадьбу, ведь мы не поддерживали связь по окончании колледжа). Но Клэр буквально захлебывалась от воодушевления, рассказывая мне о своем бурном романе. Она познакомилась с доктором Джоном Эшфордом, работая официанткой в престижном ресторане, а через неделю – вот ведь как повезло! – Клэр сбита машина, и ее госпитализировали в больницу. Догадаетесь, что за врач ей там попался? Не кто иной, как доктор Джон Эшфорд! И как вы думаете: каковы были шансы?

Для любого нормального человека – один на миллиард. Но для Клэр один к полтора. У меня даже зародилось подозрение, что она намеренно бросилась под машину прямо перед больницей, в которой он работает. Звучит абсурдно? Но Клэр и не на такое способна. Одна сломанная нога, незначительный ушиб головы и пара сломанных ребер ради шанса выйти замуж за доктора? Да она бы с легкостью пошла на такой обмен.

Глядя на лица подруг, застывших во времени, я сознаю, что они получили, в сущности, все, чего хотели от жизни: мужа, семью, успешную карьеру и статус «трофейной жены». У них все получилось. А у меня? То есть вот у этой восемнадцатилетней девушки, что лыбится с фото? Я смотрю на нее и уже даже не узнаю. А потом резко отбрасываю фотокарточку в сторону – так сильно мне хочется ее разорвать.

Эта эгоистичная сучка отняла у меня все – Эндрю, мое будущее, карьеру... Все! Восемнадцатилетняя дуреха жила только настоящим. Она не думала обо мне. О той, какая я теперь. Мне бы очень хотелось, чтобы она была серьезней, лучше училась, меньше тусовалась и обеспечила моему будущему реальный шанс на успех. Все сложилось бы по-другому, относись она более ответственно к собственной жизни. Потому что теперь эта жизнь *моя*. И скажу вам как на духу: *эта* моя жизнь – полный отстой.

Но нет! Эта девчонка была слишком эгоистичной, недалёковидной и невежественной. И при том считала, будто все знает. Она искренне полагала, что однажды ее жизнь станет именно такой, о какой она грезила. Думала, что счастье и благополучие обрушатся на нее в один прекрасный день с неба, и ей самой не нужно прилагать для этого никаких усилий. А зачем напрягаться, если жизнь наладится сама собой? Разве чудеса не происходят с людьми просто так? Нет, не происходят. Увы. Как же сильно она ошибалась! А я теперь расхлебываю последствия. Она вволю потусила, повеселилась, а мне теперь приходится расплачиваться, нести бремя тягот и неудач...

Я снова разревелась, но осознала это, лишь когда на фотоальбом, лежащий на коленях, упала крокодилья слеза. Заметив свернутую старую студенческую футболку, я подтягиваю ее к себе. Футболка разворачивается, из нее выкатывается непочатая бутылка дешевой водки. И я тут же вспоминаю, откуда она взялась. Подруги купили ее на блошином рынке у одной девушки, после того как моя ма...

Нет. Вот об этом я сейчас точно не желаю думать. Сегодняшний денек и так выдался довольно тяжелым. Мне не нужно лишнее напоминание о том, какой паршивой стала моя жизнь. Водочная этикетка почти сорвана, остался лишь графический кружок с четырьмя черными точками, расположенными на равном расстоянии друг от друга. От каждой из них тянется линия к пятой черной точке в центре кружка. А ниже прилеплен стикер с посланием:

«Дорогая Лекси, мы очень сожалеем. И очень сильно любим тебя. Женщина, у которой мы купили эту водку, сказала, что она ее особым образом дистиллировала и благословила. „Пейте, чтобы все забыть. Пейте, чтобы повторить“, – добавила она. Мы не совсем въехали, что это значит. Ее было трудно понять. Но мы надеемся, что это поможет тебе снять напряжение и расслабиться.

С любовью, Кэти, Никки и Клэр».

Открутив уже ржавую крышку, я чокаюсь бутылкой с фотоальбомом:

– За тебя, тупая сучка. Как бы мне хотелось тебя изменить, сделать лучше, вернуться в прошлое и исправить все твои ошибки. Потому что это ты все испортила, ты завела нас в это дерьмо.

Запрокинув бутылку, я делаю глоток. Водка комнатной температуры немилосердно обжигает глотку. Я стираю ее капли с губ, ловлю ртом воздух. А потом, собравшись с духом, делаю новый глоток... И еще один.

И еще.

Глава 4

Я отрываю голову от комковатой подушки. И тут же понимаю, что она не моя. Ноющее тело коконом обернуто желтоватыми простынями, пахнувшими потом и пивом. Голова раскалывается, глаза залеплены толстым слоем туши и грязи. Мне едва удастся их продрать. Поставив, принимаю сидячее положение. Резко сбрасываю с себя гадкие простыни.

– Ох, слава тебе господи! – выдыхаю с облегчением, увидев, что я полностью одета: на мне прямые джинсы «Аберкромби» и белый топ с длинными рукавами. Не помню, как их надевала, но, по крайней мере, я не голая. Хоть это хорошо. Но где я, черт подери? Чья это постель? И где моя сумка? И мой телефон? И моя обувь, если на то пошло?

Пошарив под кроватью в поисках своих вещей, я нахожу пару женских трусов (тоже не моих), открытую пачку презервативов, грязные носки и скомканные мужские боксеры. С новыми стопами встаю, озираюсь по сторонам. Стены облеплены постерами с полуобнаженными женщинами: тут тебе и Тара Рид в бикини, и кадр из клипа «Грязная» с Кристиной Агилерой, и Бритни Спирс – фрагмент из видеоклипа «Я твоя рабыня». На мой взгляд, все это уже старье. Но у того, кто здесь живет, явно имеется свой типаж. Я обхожу комнату, босые ступни громко шлепают по потертому паркету.

Эндрю дико обозлится на меня. Стоп! А разве у него осталось право на меня злиться? Он порвал со мной, не я. Он поставил точку в наших отношениях. Так что теперь не его собачье дело, что я делаю и с кем. И раз уж мы расстались, это не может считаться изменой, разве не так? А мы расстались? Точно?

– У нас просто перерыв, – повторяю я за Россом из «Друзей».

И потом... а с чего я взяла, что изменила? Я в одежде. Проснулась одна, в комнате, любезно предоставленной мне кем-то. Да, в ней явно обитает парень. Так и что с того? «Я молодая, свободная и без комплексов», – добавила бы я, если бы имела хоть малейшее представление о том, где нахожусь, что вытворяла прошлой ночью и куда подевались все мои шмотки. Это совсем на меня не похоже. По крайней мере, на меня нынешнюю. Десять лет назад меня бы это приключение не удивило. Но сейчас я предпочту провести ночь с бутылкой вина. В этом случае я знаю наверняка, где проснусь.

Снизу, сквозь щели в полу, в комнату проникают крики и бормотание. Вздвогнув, возвращаюсь к реальности. Что ж, значит, я не одна. Осторожно, чтобы ни на что не наступить, прокрадываюсь к зеркалу, висящему на внутренней стороне двери. Пытаюсь подправить размазанный за ночь макияж. Пальцами расчесываю волосы, превращая спутанную копну в нечто наподобие приглаженного боба. И возвращаю вывалившуюся грудь на место – в лифчик. Внимательно оглядев себя, хмурюсь: моя белая футболка заляпана желтыми и красными пятнами. О боже! Остается лишь надеяться на то, что это кетчуп и горчица. Или пиво и вино. Обнаружив на забитой бельевой корзине полосатую рубашку, я надеваю ее поверх замаранной футболки. Явно предназначенная для крупного мужчины, рубашка повисает на мне крупными складками. Но свое дело делает – отчасти скрывает грязь.

Сперва мне нужно попасть домой и разыскать Эндрю, чтобы исправить все до того, как он бросит меня навсегда. Невероятная живучесть нашей связи сродни кошачьей. Говорят, у кошек девять жизней. Долговечность наших отношений можно объяснить регулярностью вторых шансов. Правда, сколько таких шансов мне уже было дано, я не подсчитывала. Возможно, больше не осталось ни одного. Нет! Надеюсь, что один все-таки остался. Потому что нам с Эндрю предназначено быть вместе, и неважно, как сильно я все испортила.

Скользя рукой по оштукатуренной стене, чтобы обеспечить себе с похмелья хоть какую-то устойчивость, я на цыпочках спускаюсь по старой деревянной лестнице на первый этаж. Сту-

пеньки при каждом шаге слегка поскрипывают – старые кости дома, выглядящего так, будто он построен еще до войны во Вьетнаме.

От отвратительного запаха пива и рвоты, ударяющего в ноздри, меня начинает мутить. Не думала, что что-то может пахнуть противнее, чем спальня, в которой я недавно проснулась. По мере моего продвижения по лестнице все больше открывается обзор на гостиную с пустыми пивными банками и красными пластиковыми стаканчиками, разбросанными по всему полу.

На нижней ступеньке я замираю, увидев их: четырех ребят с голыми торсами, собравшихся вокруг старенького кинескопного телевизора в углу комнаты. Двое, сидя на клетчатом диване, играют в какую-то видеоигру, их пальцы как заведенные давят на кнопки джойстика. Третий парень лежит в кресле, откинув его спинку до упора, а еще один сидит на старом ящике для перевозки молока; его локти упираются в колени. «Какие же они все еще юные», – подмечаю я. На вид им восемнадцать–девятнадцать, ну, может, двадцать лет...

Совсем не этого я ожидала. О боже! Я что – хищница? И к чему у них эти высветленные прядки и ожерелья из ракушек? Ребята выглядят как участники бойз-бэнда *NSYNC или рок-группы «Шугар Рэй». Особенно тот, у которого в шляпе дыра. Кто так носит волосы в наши дни? Разве что Гай Фиери. Но это одна из его привилегий в бытность мэром Флавортауна.

Потеряв равновесие, я оступаю на последней ступеньке и... с глухим стуком падаю на пол. Ребята поворачиваются, уставившись на меня. Двое из них даже привстают.

– Алексис! – восклицает парнишка с самыми обесцвеченными и заостренными кончиками прядок.

Я встаю, отряхиваюсь и, подняв руку, тихо произношу:

– Привет, мальчики, то есть мужчины.

– Черт, подруга, ну и задала ты жару ночью! – заявляет другой парень. Тот, который настолько красив, что выглядит отфотошопленным вживую.

– Точняк, я даже за тобой не поспевал, – добавляет третий (с большой племенной татуировкой, обвивающей накачанный бицепс).

– Гм, – хмыкаю я.

А в голове проносится пугающая мысль: «Господи, неужели я переспала с ними со всеми?» Нет! Это на меня не похоже. Я бы не пошла на такое. Но... почему тогда этот красавчик, похожий на Райана Гослинга, брякнул про жар, что я задала? А татуированный с раздутыми бицепсами не мог за мной поспеть? Теперь Эндрю не только не женится на мне, но и не примет меня обратно. Я четырежды использованный товар.

– Давай сюда, подруга, – машет мне рукой первый парень, приглашая в гостиную.

Едва я переступаю порог, Мистер Бицепс обхватывает меня руками и приподнимает над полом почти на полметра. Его плотные, теплые мускулы заставляют мои тревоги вмиг улетучиться.

Я выдавливаю кривую улыбку – не зная, ни что сказать, ни кто эти ребята (включая того, что сейчас держит меня подвешенной в воздухе). Но вот он ставит меня на ноги, и его приятели тут же обступают меня. Каждый поднимает вверх руку.

– Не заставляй нас ждать, – говорит двойник Райана Гослинга.

Ах, ну да, понимаю. Я хлопаю пятерню каждого, ребята тоже обмениваются хлопками. А еще словами типа «клевая» и «милашка». Не может быть, чтобы я переспала с этими парнями. Они как дети с накачанным брюшным прессом и только пробивающейся растительностью на лице... Так, а про бицепсы я упомянула?

Ребята возвращаются на свои места перед теликом. Мистер Обесцвеченные Прядки поглаживает подушку рядом с собой, приглашая меня сесть.

– Ой, нет. Мне пора восвояси. – Я делаю маленький шагок к группе новых знакомых. – Никто из вас не видел моей сумки?

Не оборачиваясь, парень с племенной татухой отвечает:

Я медленно продвигаюсь к входной двери:

– Я собираюсь покинуть вас, парни. Найти бы только обувь и айфон.

– Айфон? Что это за ерунда?

– Черт возьми, подруга, ты еще не протрезвела?

Возможно, и так, но я знаю, что такое айфон.

– Ладно, до новой встречи. Спасибо за гостеприимство, – берусь я за дверную ручку.

И не успевают ребята исторгнуть из глоток свои прощальные уханья и гиканья, как я уже стою на парадном крыльце.

На улице очень холодно, пробирает до костей. Но яркое солнце эффектно освещает очаровательный квартал с большими старинными домами по обе стороны улицы. По ней почему-то не проезжают машины, и припаркованных бампер к бамперу тачек тоже не видать – странно для Чикаго. Зато щебечут птицы, и вокруг много зелени – деревья, кустарники, газоны. К тому же при каждом доме своя лужайка.

Стоп!

В центральной части города нет никаких насаждений. И почему не слышится вой сирен? Должно быть, я в одном из пригородов Чикаго. Но как меня сюда занесло, черт возьми? Что это за пригород? Нейпервилл? Или Эванстон? Похоже, мне здесь не увидеть такси, курсирующее по улице. Проклятие! А я ведь уже разработала план: поймать такси, доехать до своей улицы, а когда наступит момент оплаты, выскочить из машины и пуститься наутек – так быстро, как только смогут понести меня босые ноги. План противозаконный, но что еще придет в голову, когда ты без денег, мобильного и обуви? А теперь придется придумывать новый.

Надо бы как-то связаться с Эндрю и убедить его – умолить! – приехать и спасти меня. Пожалуй, лучше не упоминать ночевку с ребятами. Скажу, что меня обокрали. Это точно подвигнет Эндрю к действиям. Ведь каждому хочется стать для кого-то героем.

Примерно в полутора километрах от меня виднеются большие высокие здания. Наверное, я все-таки не так далеко от квартиры, как думала. Но чикагский горизонт выглядит отсюда совсем невысоким. Похоже, ребята правы. Я все еще пьяна. Стоит мне об этом подумать, и перед глазами все плывет, а тело простреливает боль. Я стараюсь держать голову прямо, силюсь сфокусировать зрение. Да, здания явно кажутся не такими высокими и большими, как должны бы. Но, скорее всего, я еще не в состоянии все ясно видеть и оценивать адекватно. Тем не менее я решаю пойти в их сторону. Потирая ладони, пытаюсь быстрее согреться во время ходьбы.

На перекрестке передо мной останавливается на красный свет машина, набитая девицами. Окна автомобиля открыты, из них доносится «Тысяча миль» Ванессы Карлтон. Девушки со смехом подпевают ей, не заботясь больше ни о чем на свете. Мне нравится эта песня. В последний раз я слышала ее, когда смотрела «Белых цыпочек». И я ловлю себя на том, что качаю в такт музыке головой. Светофор переключается на зеленый, и машина срывается с места, под визг шин и заливиный хохот пассажиров.

А я, глубоко вздохнув, продолжаю путь. Ступни уже ледяные. Как же плохо без обуви. Эх, были бы у меня хоть носки! Как же я попала в такую передрыгу? А, ну да, знаю. Я, как всегда, позволила эмоциям завладеть собой и дала им полную волю.

Впереди я вижу двух девушек, шагающих мне навстречу. Отлично. Может, они мне хоть чем-то помогут. На брюнетке темно-синий велюровый спортивный костюм от «Джуси Кутюр», блондинка в розовом. Я и не знала, что такие костюмы еще выпускают. Ведь к ним все липнет.

– Здравствуйте, у вас есть мобильный телефон? – заговариваю я, когда дистанция между нами сокращается до полуметра.

Девушки окидывают меня взглядом с головы до ног, хмурятся. Чудесно, теперь они оценивают меня.

– Я в безвыходном положении. Меня обокрали, – быстро добавляю я, понимая: чтобы получить от этих девиц помощь, мне необходимо вызвать у них сочувствие.

Блондинка наклоняет голову набок:

– Ох, нет, бедняжка.

Это сарказм или она искренне переживает за мое благополучие?

– Извините, но у нас нет мобильных телефонов, – добавляет брюнетка.

Понятно. Значит, блондинка ответила мне с сарказмом. У кого в наши дни нет мобильного? У моего деда и то есть, а ему девяносто два. Даже у сопливой девчонки из соседней квартиры в нашем доме имеется сотовый, а ей всего семь. А может, эти девицы не доверяют мне из-за моего неряшливого вида? Я стягиваю потуже края полосатой рубашки, чтобы не смотрелась на мне мешком.

– А знаете что? В кампусе есть таксофон. Вы можете воспользоваться им. – Блондинка указывает в том направлении, откуда они шли. – Это в двух кварталах отсюда.

– Вы серьезно? – уточняю я с легким вызовом.

– Да, – кивает блондинка. – Это на самой окраине кампуса. Вы не пройдете мимо.

– И вот вам четвертак, чтобы позвонить. – Достав монетку из своей белой сумочки бренда «Дуни и Бурк» в форме сердечка, брюнетка вкладывает ее в мою руку.

– Удачи вам, – напутствуют меня обе девушки и, помахав на прощанье, уходят.

Таксофон? Они что, так приколотись надо мной? Что стало с женской солидарностью? С готовностью людей оказать помощь ближнему?

Тяжело вздохнув, я сую монетку в карман и шагаю дальше.

Как ни странно, но я начинаю узнавать дома и строения. Похоже, это Чикагский университет. Я бывала тут однажды (правда, пьяная в хлам). Наверное, поэтому мне все здесь кажется знакомым, но каким-то расплывчатым. Я ускоряю шаг, жажду побыстрее добраться до таксофона, чтобы позвонить Эндрю и вернуться наконец домой. Вон он! Девчонки «Джуси Кутюр» не обманули.

Сняв трубку, я опускаю четвертак в прорезь автомата, на котором значится «Двадцать пять центов», и набираю номер – единственный, который я помню, не считая собственного. Эндрю не менял его с колледжа и не собирался от него отказываться. Ссылался на то, что это слишком хлопотно. Через полсекунды раздается гудок.

Вот это да! Провалиться мне сквозь землю, но этот таксофон на самом деле работает!

– Алло? – отвечает Эндрю с громким зевком.

– Эндрю, это я. Прости за вчерашний вечер. Мне не следовало так себя вести. Ты же знаешь, какая я, и у меня не получается справляться с неудачами по-нормальному. Я либо замыкаюсь в себе, либо даю волю эмоциям. Но обещаю, что не допущу такого впредь. Клянусь. Я хочу за тебя замуж. Понимаю, что по факту ты не сделал мне предложения, но мой ответ: «Да». Для тебя всегда только «Да». Я люблю тебя больше всего на свете. И ты это знаешь, ведь так? – выпаливаю я все это на одном дыхании, не давая Эндрю возможности перебить меня.

После долгого молчания он наконец подает голос:

– Гм, а кто говорит?

– Эндрю, это я, Алексис! Мне нужна твоя помощь! Я не знаю, где нахожусь и что произошло, но почти на сто процентов уверена, что меня ограбили. – Мой голос пронизан паникой, в голове проносится мысль: «Интересно, насколько сильно его искажает таксофон?»

– Похоже, вы неправильно набрали номер, леди.

– Что? Ты это серьезно? Ты издеваешься надо мной? – Прижав трубку крепче к уху, я жду, когда Эндрю откликнется; в груди уже бродит гнев.

– Малыш, кто это? – звучит на заднем фоне женский голос.

– Никто, Мелисса. Просто ошиблись номером. Ложись в постель, – шепчет в сторону Эндрю.

– Эндрю! Что за ерунда? – взвизгиваю я, кровь вскипает. – Вчера вечером ты сделал мне предложение... ладно, намеревался сделать... а сейчас ты уже трахаешь бывшую? Как ты мог

так обойтись со мной? Мы столько времени были вместе, а теперь ты вернулся к ней – к девице, наставившей тебе рога и наградившей хламидиями? Да как ты посмел?

В ответ я слышу лишь собственное тяжелое дыхание.

– Ты изменяешь мне? – спрашивает Эндрю, его голос звучит тихо; похоже, он отвел мобильник от уха.

– Нет, это ты изменяешь мне, козел! – ору я.

– Почему ты задаешь мне подобный вопрос? Конечно же, нет, – доносится до меня приглушенный голос Мелиссы.

Мне слышно, как они переговариваются. Что, черт возьми, происходит?

– Я никогда тебе не изменю, – заявляет Мелисса, на этот раз ее слова звучат четче.

– Ну да, как же! Ты врешь, изменщица-разлучница! – выкрикиваю я.

Но тут в телефоне раздается щелчок, связь обрывается. Эндрю нажал «отбой»? Изменять плохо. Но обрывать разговор со мной? Это непростительно. Шмякнув трубку обратно в держатель и опустив голову, я делаю несколько глубоких вдохов-выдохов. Слезы готовы брызнуть из глаз, но я силюсь не разреветься. «Не плачь. Не плачь!»

Наконец я становлюсь чуть спокойнее. А под «спокойнее» я подразумеваю менее убийственной. Выпрямившись, надеваю на лицо маску решимости. Хотя, по правде говоря, она больше смахивает на гримасу.

Прекрасно. Обойдусь без него! Сама найду дорогу домой. Я взрослая женщина. Способна разругать любую ситуацию. Мужчина мне для этого не требуется. Даже Эндрю. В итоге он потеряет больше, чем обретет! Втянув носом холодный, колючий воздух, я напоминаю себе: «За черной полосой обязательно следует белая. Все будет хорошо. А хорошее познается в сравнении с плохим».

Глава 5

Трехэтажное кирпичное здание прямо передо мной кажется знакомым, но что-то не так. Не могу взять в толк – что именно. У меня такое ощущение, будто я бывала в нем не меньше дюжины раз. Странно... Должно быть, провалы в памяти восстанавливаются. А как иначе объяснить, что мне знакомо здание кампуса Чикагского университета, в котором я никогда не училась? Может быть, я открыла что-то типа научного закона, согласно которому обильное питье алкоголя приводит к ликвидации провалов в памяти, вызванных его же чрезмерным употреблением? Вау! Да это открытие тянет на Нобелевскую премию! Возможно, в честь меня даже назовут одно из этих зданий.

Я захожу внутрь. Едва переступаю порог, как тепло хорошо отапливаемого помещения вмиг приглаживает мурашки на руках. Передо мной обычный длинный коридор, с деревянными дверьми и запотевшими окнами. Белесый пол заляпан черными следами торможения. На нем явно резвились любители роликов. В коридоре ни души, но слух улавливает голоса. И я крадусь по нему, заглядывая в открытые двери. Некоторые аудитории пусты. В других студенты внимательно смотрят на преподавателей, читающих лекции на разные темы.

В одной из таких аудиторий мне удастся разглядеть семидесятилетнего педагога в очках, съехавших на кончик носа, читающего таким монотонным голосом, что он убаюкает даже страдающего бессонницей. Мистер Бернارد?! Это мистер Бернارد! Он был моим учителем начального курса математики в первый год моего обучения в колледже. И терпеть меня не мог. Отчасти потому, что я всегда тупила в математике, отчасти потому, что я редко посещала его лекции, а если и достаивала их своим присутствием, то лишь мешала преподу их вести. Ничего себе! Да он совсем не постарел!

Стоп-стоп-стоп... он должен был уже почить в бозе, разве нет? Или, по крайней мере, перешагнуть девяностолетний рубеж. Как ему удастся выглядеть на семьдесят? Да к тому же продолжать преподавать?

– Лекси Спенсер, – вызывает мистер Бернارد. Пару секунд он смотрит в журнал, который держит в руке, а потом вскидывает голову и обводит взглядом студентов, сидящих перед ним. – Опять отсутствует. Черда прогулов продолжается, – констатирует математик и, раздраженно вздохнув, яростно помечает что-то в журнале.

Речь обо мне. Но я не отсутствую. Я здесь. Мистер Бернارد назвал мое имя. Да, теперь я Алексис, и меня уже много лет никто не называл Лекси. Но это я. Фамилия тоже моя. И не успеваю я опомниться, как выкрикиваю:

– Я здесь! Я Лекси Спенсер.

Математик, повернувшись в мою сторону, удивленно выгибает бровь, увидев меня в дверном проеме.

– Это я, Лекси Спенсер, теперь, правда, Алексис. – Тыча в грудь пальцем, я захожу в аудиторию. – Давненько мы не виделись, мистер Бернارد. Как вы поживаете? Выглядите потрясающе – невероятно моложавы для своего возраста.

Такое впечатление, что он смотрит сквозь меня, словно меня здесь и нет. А я есть? Я здесь? Прохожу еще дальше в аудиторию. Вот черт! Я что – сплю? Нет, стоп. Я мертва?

Мистер Бернارد морщит лоб и, вновь переключив внимание на журнал, дважды вычеркивает мое имя.

Я машу руками у него под носом:

– Эй, вы меня видите?

Математик не реагирует на мое присутствие.

– Проклятие! Я что, умерла прошлой ночью? Я в аду? Если так, то, честно говоря, ничего другого от вселенной и не ожидала. Потому что просидеть в классе мистера Бернарда всю

оставшуюся жизнь было бы для меня личным адом. Только я этого не предвидела, – рассуждаю вслух, передергивая плечами.

– Извините, мисс! – строго изрекает мистер Бернард.

– Черт подери, вы меня видите! Я жива! – пронзительно восклицаю я.

– Покиньте аудиторию немедленно, – указывает своим длинным, крючковатым пальцем на дверь математик.

Студенты разражаются смехом, шепотом обмениваются обидными комментариями:

– Она сумасшедшая.

– Надо же так напиться.

– Какая неряха! Жалкое зрелище...

– Ладно, простите, – бормочу я и, вытянув перед собой руки, двигаюсь к двери.

Вдогонку прилетает от мистера Бернарда:

– И ради всего святого, передайте Лекси: пусть перестанет подсылать на занятия подружек, чтобы поправить показатели посещаемости. Она делает это уже в третий раз. Еще раз такое случится, я поставлю вопрос об ее отчислении.

Насупив в недоумении брови, я выхожу из аудитории. Бреду по пустому коридору и размышляю: Лекси подсылает своих подружек, чтобы поправить показатели посещаемости? Я поступала так, когда училась в колледже. Но это было давно. Неужели мистер Бернард узнал меня и решил, что я все еще студентка? Я хочу сказать, что он очень старый, а я ходила на его лекции больше одного раза. Должно быть, в голове у старика все смешалось. Он просто перепутал прошлое с настоящим.

Присев в конце коридора на пол, я опускаю голову в ладони. Что-то не так. На самом деле все не так. Те ребята из «АСС». Этот кампус. Мистер Бернард. Что я упускаю? Я чувствую себя так, словно нахожусь одновременно под водой и над землей, на высоте три тысячи метров. Стук в висках невыносим. Я поднимаю голову: может, побиться ей о стену? «Не вздумай!» – останавливаю себя. Взгляд привлекает информационная доска, висящая на противоположной стене. Она пестрит десятками разноцветных объявлений. Я изучаю их. В глаза бросаются слова, выведенные большими жирными буквами:

«Весенние каникулы – 2003!»

Корпорация Маркуса! Смотрите сейчас в кинотеатрах: „Человек-паук“, „Стильная штучка“, „Знаки“ и „Кольцо“».

– Что? – вопрошаю я пустой коридор.

А уже в следующий миг вскакиваю и подлетаю к доске, чтобы все получше разглядеть. Вытаращив глаза насколько получается, я яростно моргаю. Несколько раз. Но слова не изменяются. А ясно ли я вижу? Начинаю срывать с доски листки с объявлениями, читаю их вслух и швыряю на пол:

«Найдите научный кружок на Myspace».

«Вы уже опробовали iTunes?»

«Не забудьте записаться на курсы в зимнем семестре 2002 и получить дополнительный вычет по кредиту».

– Нет. Нет. Нет! Это какая-то нелепица.

Попятившись, я вдыхаю огромный глоток воздуха, чуть не перенасыщая легкие кислородом.

Какой сейчас год? Должен быть две тысячи шестнадцатый. Но тогда... что все это значит? Я трясую головой, перевожу взгляд с объявлений, валяющихся на полу, на те, что еще висят на доске. Меня словно засасывает водоворот неверия, мир вертится вокруг, стены угрожающе

надвигаются. Голова трещит. Глаза не могут сфокусироваться. Ноги дрожат, а потом и вовсе подкашиваются. Я падаю на плиточный пол. Глубокий вдох. Глубокий выдох. Глубокий вдох. Глубокий выдох. Я бывала пьяной много раз. Но еще никогда не была *такой* пьяной.

Внезапно меня осеняет: те ребята, что меня приютили. У них были высветленные пряди волос, и они слыхом не слыхивали о LMFAO. Они играли в «Мэдден'03» и не поверили, что число ее версий уже перевалило за дюжину. Даже высмеяли меня. А еще они не знали, что такое айфон. А кто не знает, что такое айфон? Затем те девушки в спортивных костюмах «Джуси Кутюр» и без мобильных. А еще та машина с девицами, тащившимися от Ванессы Карлтон, но не повторявших танец из «Белых цыпочек». Невероятно. Такого просто не может быть.

А таксофон? Он ведь есть и работает. Мистер Бернارد до сих пор жив и поставил мне на вид за Лекси. Меня не называли этим именем больше десяти лет.

– Черт возьми! – громко восклицаю я. – Сейчас что, две тысячи второй год?

Глава 6

Нет, это невозможно.

Я сплю. Наверное. Мне просто снится дурацкий сон. Это единственное разумное объяснение возникшей несурязицы. Я так сильно напилась прошлой ночью, что, похоже, вырубилась дня на три. Да! Это всего лишь сон – очень длинный и, признаться, реалистичный, но пьяный. Я не в две тысячи втором году. И уверена, что скоро проснусь. Скорей бы! Потому что я серьезно напугана. «Надо ущипнуть себя».

– Просыпайся! – взываю к сознанию.

Ущипнув себя еще раз и сильнее, морщусь от боли:

– Ой!

Так... этот прием не срабатывает. Нужны более действенные меры, раз Морфей не желает выпускать меня из своего царства.

Я встаю и, шлепая себя ладонью по голове, повторяю:

– Просыпайся, просыпайся, просыпайся.

Безрезультатно. Стискиваю чувствительную кожу на тыльной стороне ладони и непроизвольно взвизгиваю. Но опять ничего.

– Да уйди же ты, чертов сон! – Высоко задрав левую ногу, я что есть силы обрушиваю ее на правую. – Ай-ай-ай! – корчусь от боли.

Это тоже не сработало.

Я пытаюсь выпрямиться, но вдруг испытываю ту же странную дезориентацию, которую ощутила в квартире ребят, – головокружение, пульсирующую боль, расфокусированное зрение. Такое впечатление, будто я только что сошла с карусели. Опершись о стену, пытаюсь восстановить равновесие, сосредоточить взгляд и вернуть себе способность рассуждать здраво.

Возможно, все это жестокая шутка, которую кто-то разыграл со мной. Я не знаю, как им это удалось. Но такое ведь может быть? Разве нет? Кто-то приволок меня – пьяную – в ту квартиру, а потом нанял актеров, чтобы те притворились ребятами из две тысячи второго года. Эти «милые» шутники могли зайти на какой-нибудь сайт и купить там старый кинескопный телевизор и «Мэдден'03». Соорудить копию прежнего коридора моего колледжа и нанять актера, как две капли воды похожего на моего преподавателя математики. И тех девушек в велюровых костюмах от «Джуси Кутюр» они тоже наняли, а затем напечатали для информационной доски несколько флаеров с отсылками к началу двухтысячных... И все за одну ночь. Это более правдоподобно, чем путешествие во времени. Мне нужно лишь найти подтверждения своей версии.

Пошатываясь, выбираюсь на улицу в поисках новых подсказок. Солнце светит слишком ярко. Приложив руку козырьком к глазам, я изучаю окрестности. По обеим сторонам главной аллеи растут кленовые деревья, их желто-оранжевые листья осыпаются на землю при каждом порыве ветра. Оказывается, те большие здания вдалеке, что я разглядела раньше, – студенческие общежития. Повсюду студенты, бегущие на занятия или возвращающиеся с них. Многие одеты в черно-желтые худи с красующимся на груди словом «Титаны». И тут меня осеняет. Я знаю, где нахожусь! Это же кампус моего колледжа в Висконсинском университете в Ошкоше, обители спортивной команды «Титаны». Но как я здесь оказалась?

– Эй! – окликаю проходящую мимо девчонку. – Какое сегодня число?

Волосы у студентки сверху русые, а внизу черные – так сейчас уже никто не носит. Девушка останавливается, отвечает мне:

– Первое ноября.

И продолжает путь. Я семеню за ней так быстро, как позволяют босые ступни, уже изнашивающие от боли.

– Нет, я имела в виду – какой год?

Девушка застывает как вкопанная, бросает на меня странный взгляд:

– Вы смеетесь надо мной?

– Нет, я серьезно. Какой сейчас год?

Нахмутив лоб, студентка говорит:

– Две тысячи второй.

Мои глаза чуть не выскакивают из орбит.

– Что??? Нет! Нет! Как такое может быть? Это же невозможно.

Девушка пристально смотрит на меня несколько секунд: оценивает, представляю ли я опасность. А потом на ее лице проступает беспокойство.

– С вами все в порядке?

– Не знаю... Я понятия не имею, что происходит. Даже не понимаю, как попала сюда. – Брызнувшие из глаз слезы бегут по щекам.

Я не в трех часах от дома. Я от него в трех часах и четырнадцати годах. Как, черт возьми, это вышло? И разве такое вообще возможно?

– Может быть, мне вызвать полицию? – озадачивается студентка и отступает на шаг назад, увеличивая расстояние между нами.

Я не могу позволить ей вызвать полицию. Меня сразу же упекут в психбольницу!

Я поднимаю руки, ладонями к ней:

– Нет! Пожалуйста, не делайте этого.

– Вас кто-то... обидел? – Прищурившись, девушка делает шаг – на этот раз уже ко мне.

– Только Эндрю, – всхлипываю я.

– Он ударил вас?

– Что? Нет, что вы! Нет-нет, – отмахиваюсь я обеими руками от ее вопроса. – Он порвал со мной.

– Ох, тогда все понятно, – тяжело выдыхает девушка: ситуация, по ее мнению, вероятно, разрешается, напряжение разряжается. – Это не конец света, поверьте. Мне тоже довелось такое пережить. В прошлом году, когда бойфренд бросил меня, я позабыла, кто я, где нахожусь и какой сейчас день. – Собеседница участливо кладет руку мне на плечо. – Все обернется к лучшему, вот увидите.

Я качаю головой, смиряясь с ее объяснением. По крайней мере, она больше не считает меня ненормальной.

Девушка наклоняет голову:

– Вы здесь учитесь? Я вас вроде бы раньше не видела.

– Училась... – Или, если сейчас две тысячи второй год, учусь. – К слову, меня зовут Алексис, – быстро добавляю я.

– Вероника. – Взгляд новой знакомой падает на мои босые ступни. – Вам что-нибудь нужно? Похоже, вы пережили трудный день.

– Так и есть, но не переживайте за меня. Со мной все будет хорошо.

– Вы уверены?

Я киваю.

– Ладно. Что ж, мне не хотелось бы бросать вас в таком состоянии, но мне еще нужно забежать в свою комнату до начала рабочей смены. Я работаю в баре «У Келли», что возле кампуса. – Вероника гладит меня по плечу. – Загляните как-нибудь, поболтаем. Первая выпивка за мой счет, – улыбнувшись и махнув мне на прощание рукой, обещает она.

– Спасибо, – это все, что мне удается выдать.

Вытирая слезы, я бреду к деревянной скамейке. И даже успеваю присесть на нее до того, как ноги снова подкосятся. Я не знаю, что мне делать в такой ситуации, куда податься. Мимо проходят студенты, спешащие на занятия или с них. Некоторые из них бросают на меня недоброжелательные взгляды, но большинство даже не замечают. Я не должна здесь находиться, и мне не

понять, как так вышло, что я здесь. На самом деле я ничего не смыслю в научных представлениях о времени и перемещениях в нем. Поэтому вопрос «как?» не так уж важен для меня. Меня больше волнует «почему?». Почему я в две тысячи втором году?

Взгляд привлекают два высоких здания на окраине кампуса. Я узнаю их: Северный Скотт-холл и Южный Скотт-холл. Это самые большие общежитские корпуса Висконсинского университета, вмещающие свыше тысячи студентов. Во время учебы я жила в Северном блоке, на восьмом этаже. Вспомнив время, проведенное в общежитии, я невольно улыбаюсь. Стоп-стоп-стоп! Если я правда в две тысячи втором году, то именно туда мне следует пойти. И именно там находиться. Я должна быть в математическом классе. Но нужно трезво взглянуть в глаза реальности. Если на дворе действительно две тысячи второй, значит, я там встречу своих прежних подруг, соседку по комнате и старых приятелей. Они все должны быть там.

Да, наверное, в этом все дело. Похоже, мое желание исполнилось. Меня переправили сюда, в две тысячи второй год, чтобы я смогла все исправить, сделать все правильно. Я исправлю свое прошлое, чтобы скорректировать будущее. Это мой второй шанс – возможность изменить жизнь! Вселенная наконец услышала мои мольбы. Мне дана еще одна попытка. Я буду усердно учиться. Прекращу тусить. Постараюсь избежать тех ошибок, которые наделала раньше. У будущей Алексис появится шанс. Претерпев «перенастройку» и изменившись, я смогу в конечном итоге выйти замуж за Эндрю и получить потрясающую работу со всеми мыслимыми бонусами.

Да, я смогу это сделать. Это же совсем нетрудно. Проще простого! Я видела такое в кино. Встав, я решительно устремляюсь к своему бывшему общежитскому корпусу с высоко поднятой головой и новообретенной целью.

– Что ни делается, все к лучшему, – повторяю себе. – А если лучшее в конце концов не наступает, значит, это еще не конец.

Глава 7

Я проскальзываю за каким-то студентом в боковую дверь Северного корпуса. Оглянувшись на меня, парень прищуривается, кажется, он намерен спросить у меня, что я позабыла в этом здании. Но в итоге ничего не говорит. Должно быть, он промолчал, потому что увидел, какая я замерзшая, босая и... жалкая.

Я не была в уборной с две тысячи шестнадцатого года. Поэтому первым делом я нашла ее – справить нужду, умыться и привести себя в порядок. Не хочу привлекать еще больше внимания, чем уже сделала это. Ополоснув водой лицо над раковиной, я поднимаю взгляд на свое отражение в зеркале. На меня смотрит бледное, тусклое лицо, обрамленное сальными светлыми волосами.

– О господи, – бормочу я, заметив гусиные лапки в уголках глаз и выраженные носогубные складки, эти пресловутые «линии смеха», окаймляющие излучину рта. – Что это? Мне же должно быть сейчас восемнадцать...

Надавливаю и растягиваю кожу лица, пытаюсь разгладить морщинки. Я выгляжу моложе своего возраста. Так было всегда благодаря генетике и ботоксу, который я начала колоть, еще не разменяв тридцатник. Но за восемнадцатилетнюю мне точно не сойти. Я опускаю глаза на грудь. Такого бюста – размера 36DD – у меня тогда тоже не было. Сдавливаю его, силуюсь сделать поменьше, но он не поддается. А затем мой взгляд скользит к носу. Он также изменился за последние четырнадцать лет: слегка смягчился, стал более сглаженным. Глядя на свой профиль в зеркале, я провожу пальцем по его контуру. «Смещение носовой перегородки подправило этого малыша» – так я, по крайней мере, всем говорю.

Ну и дров ты наломала, вселенная! Черта с два я – *такая!* – впишусь в круг своих прежних подруг и приятелей. А я-то уж было поверила, что буду выглядеть как в старые добрые времена. Думала, что органично вольюсь в студенческую жизнь и буду вести себя, как будто ничего не изменилось. Разве что наконец-то попробую изменить все сама. Впрочем, как знать? Может быть, мои друзья не обратят внимания на мой подпортившийся видок и не придадут значения этому носу и пышному бюсту, выросшему за ночь. Всякое ведь бывает. Случаются и более странные вещи.

А я прикинусь: «Что? Вы только сейчас это заметили? Да у меня такая грудь уже несколько лет. Я рада, что вы воспринимаете меня как нечто большее, чем просто обладательницу большой груди».

Пристально вглядываюсь в свое отражение, стараюсь подбодрить ту, что смотрит на меня из зеркала:

– Ты сможешь это сделать. Как говорится: играй роль, пока роль не станет тобой. Ты обязательно все исправишь. И изменишь себя. Ты примешь теперь верные решения и через четырнадцать лет окажешься успешной замужней женщиной. Просто веди себя уверенно, и никто не будет задавать тебе опасных вопросов.

Звук сливающейся в унитаз воды заставляет меня резко отпрянуть от зеркала. Выскочив из уборной, прежде чем кто-то смог бы меня увидеть, я на лифте поднимаюсь на восьмой этаж. Опустив голову, направляюсь к бывшей своей комнате. У двери, естественно, замираю. Рука сжимает дверную ручку, дергает ее, и... я с облегчением выдыхаю: дверь не заперта. Слава богу! Хотя, с другой стороны, я глуплю. Кто угодно может заглянуть внутрь, когда пожелает, и такой расклад мне сейчас идеально подходит.

Молясь, чтобы моей соседки не оказалось в комнате, я открываю дверь и просовываю голову внутрь. Письменный стол в правой части комнаты завален грязной одеждой, а также не скрепленными листами бумаги, из-под вороха которых проглядывает компьютерный монитор, и книгами, которые если и открывали, то крайне редко. Другой стол – в левой части комнаты, –

наоборот, сияет чистотой и порядком: отлично организованное рабочее место для учебы и выполнения домашних заданий. Так что сомневаться насчет того, кому из обитательниц этой комнаты принадлежит первый, а кому второй стол, даже не приходится. Большой розовый ворсистый ковер на полу любезно предоставила Никки. В углу комнаты стоит мини-холодильник, увенчанный коробками с батончиками мюсли и корзиной фруктов. Кровать слева аккуратно прибрана, как и стол, а на другой кровати...

– Что за черт! – вырывается у меня.

Поперек кровати распласталась на животе девушка с размазанным макияжем и длинными светлыми волосами. Спит как убитая. Ее мини-платье задралось, оголив тонюсенькие красные стринги. С левой стопы свисает на ремешке черная туфля с каблуком двенадцать сантиметров. Это же... я! Но разве я могу здесь находиться в двух ипостасях?

Захожу в комнату, закрываю за собой дверь. Взгляд возвращается к спящей. Из ее открытого рта течет слюна. Фу, какая гадость! Неужели я раньше выглядела настолько отвратно? Всегда? Я подкрадываюсь к спящей, как человек, рассматривающий дикого зверька.

Проклятие. Выходит, здесь и я-нынешняя, и я-прежняя. Как же, черт возьми, это должно работать? Мы не можем находиться тут обе!

Всхрапнув, восемнадцатилетняя Лекси дрыгается. Ее глаза раскрываются в болезненном прищуре: веки силятся побороть слипшуюся в комки тушь. Наконец она садится и, не прекращая постанывать, трет глаза с размазанным и спекшимся макияжем. Я засекаю тот момент, когда она осознает, что не одна: открывшийся рот девушки исторгает пронзительный крик.

– Тсс, тихо! – шиплю я.

– Кто вы такая, черт подери? Что вы делаете в моей комнате?! – вопит Лекси.

Я вытягиваю вперед руки, показываю, что не желаю причинить ей вреда (хотя как знать?). Делаю глубокий вдох, пытаюсь решить, как себя повести. Соврать? Сказать ей правду? А может, просто-напросто убить и забрать себе ее жизнь? Стоп! Разве я не убью себя тоже? Ну, если я, допустим, придушу ее подушкой, не умру ли я одновременно с ней? Эх, знать бы наверняка! Это был бы самый легкий вариант – уцелей я после ее удушения.

– Гм, ну, я это... вроде бы... ты. Я Алексис, – говорю я, сама только в этот момент осознавая до конца всю ситуацию.

Лекси встает, натягивает платье и пятится от меня, припадая с ноги в туфле на каблуке на босую стопу, и в панике озирает взглядом комнату. О, я прекрасно знаю, что у нее на уме. Она ищет, чем бы меня ударить. Так и есть: Лекси ухмыляется, когда ее взгляд задерживается на второй туфле на шпильке, валяющейся на полу.

– Не вздумай бросить в меня этой туфлей, – предостерегаю я, сузив глаза и наставив палец на Лекси.

– Я и не собиралась, – отпирается она, приближаясь к туфле.

– Просто выслушай меня.

Лекси прижимает руку ко лбу. Словно проверяет, нет ли у нее жара.

– Я все еще пьяна?

– Возможно, но не в этом дело. Послушай, я это ты, но я из будущего, – растягиваю лицо в улыбке в надежде, что она получится убедительной и обезоруживающей. Но, судя по всему, улыбка выходит противной и жутковатой, потому что Лекси приходит в еще большее замешательство и, пожалуй, даже несколько напугана. – Не знаю, почему я здесь и как сюда попала, но мне надо вернуться в мое время.

Лекси смотрит на меня с подозрением, снимает единственную туфлю:

– Вы сумасшедшая, дамочка.

– Я понимаю: именно так все и выглядит. Но я совершенно серьезна. Я это ты. Я Алексис.

– А я Лекси, – закатывает глаза моя восемнадцатилетняя версия.

– Ну да, да, я звалась в твоё время Лекси. Мне сейчас даже не верится: думала, что Лекси звучит сексуальнее.

– Я и так сексуальнее, – подбоченивается она. – Мне всё равно, кем вы там себя считаете, но вы должны покинуть эту комнату.

– Нет, Лекси, не могу. Мне некуда идти. Я не знаю, как такое произошло, но это случилось. И мне необходимо твоё содействие. Иначе я застряну здесь, а ни одна из нас не хочет этого, верно? – Приподняв бровь, я упираю руки в бока, копируя её позу.

– Да вы больная на всю голову, дамочка! Если вы не уберётесь из этой комнаты, я вызову охранников. – Решительно уставившись на меня, Лекси скрещивает на груди руки.

Проклятие. Мне следовало предусмотреть такую реакцию. Конечно, она мне не верит. Я и сама не убеждена, что верю во всю эту чертовщину. Ну и сценарий измыслила вселенная! И поскольку в этом сценарии есть Лекси, я вообще не знаю, что от меня требуется здесь сделать. Окажись я тут одна, я истолковала бы всё это как повторное проживание раннего этапа своей жизни. Но её присутствие всё только усложняет.

– Охрана! – орёт Лекси.

– Хорошо, хорошо, – бормочу я, начиная отступать к двери.

Стоп! Что я делаю? У нас нет охранников, прибегающих по первому зову. Это не Белый дом, а дешёвое общежитие. Она что, считает меня такой легковой? Остановившись, я выпрямляюсь, чтобы стать выше. Приняв широкую стойку, вздергиваю подбородок и выпячиваю грудь.

– Кем вы себя воображаете? Что за дикость? Прекратите, – говорит Лекси.

Я сдуваюсь, но пытаюсь сохранить невозмутимый вид. Что я вообще делаю? Всё так запутанно и сложно. Надо подумать. Если я была Лекси... Меня передергивает при мысли о том, что была ею на определённом этапе жизни. Если я всё ещё Лекси, то как мне убедить себя в том, что я-будущая была когда-то ею? В голове щёлкает. Кажется, сообразила!

– Лекси, я действительно ты... и могу это доказать.

Выставленное напоказ бедро демонстрирует полное неуважение ко мне.

– Ладно. Если вы действительно я, скажите мне, что я делала в прошлый пятничный вечер, – ухмыляется Лекси, довольная своей смекалкой.

Я прикладываю пальцы к вискам, как будто это активизирует клетки мозга и он выдаст правильный ответ:

– Гм... обожди... Ты сама не помнишь, что делала в прошлую пятницу.

Ухмылка сходит с лица Лекси.

– И то правда. Тогда расскажите обо мне что-то такое, чего никто больше не знает.

– Ты любишь тусить.

– Я же сказала – чего никто больше не знает. А не то, что известно каждому. – Доставая из комода штаны и футболку, Лекси не сводит с меня настороженного взгляда.

– А, вот! – почти выпаливаю я. – Ты пользуешься вкладышами в лифчик, чтобы грудь казалась больше.

– Не пользуюсь! – рявкает Лекси, украдкой убрал пару вкладышей из своего бюстгалтера в верхний ящик комода и быстро задвинул его.

Ну да, я тоже в этом никогда бы не призналась.

– Ты разбила свою тачку в прошлом году, – щёлкнув пальцами, говорю я.

– Это тоже всем известно. – Отмахнувшись, Лекси начинает переодеваться.

Ясно, что она забавляется, чуть ли не играет со мной. И похоже, она всё ещё под градусом, раз раздевается перед совершенно незнакомым человеком. Только я не незнакомка – я она.

На секунду отведя взгляд в сторону, я снова устремляю его на Лекси. Имею право! Это ведь и моё тело тоже. И, раз мне хочется, я могу его изучать. Вау! Какой же подтянутой и загорелой я была! Я не загорала много лет. Да-да, с тех пор, как начали публиковаться все

эти отчеты по онкологии. А я-прежняя, то есть Лекси, в отличной форме – стройная и загорелая. Неудивительно, что Эндрю влюбился в меня. Увы, я так не выгляжу уже давно. Забавно вспоминать, что я стеснялась своего тела и фигуры в ее возрасте (хотя и сейчас стесняюсь). Не стоило. И, пожалуй, точно не нужно теперь.

О господи! Моя юная попка! На копчике еще нет татуировки. Прекрасный, девственно-чистый холст, нетронутый чернилами. Лекси еще не набила татушку. Значит, у меня есть шанс уговорить ее не делать этого.

– Разглядываете то, что вам нравится? – поворачивается ко мне Лекси в одних трусиках и лифчике. Подмигнув, она прикусывает нижнюю губу.

– А что ты вертишь передо мной почти голой задницей? Это же как инцест, ты, извращенка.

– Если вы действительно я, то это больше смахивает на мастурбацию. Очень странную, причудливую форму мастурбации.

Я трясую головой:

– Просто надень на себя хоть какую-то одежду.

А в следующий миг я снова щелкаю пальцами и направляю указательный в Лекси:

– О! Знаю, чем тебя убедить. Ты девственница.

– Я говорила это ребятам, но мне никто не верит. Без понятия почему, – пожимает плечами она.

– Возможно, потому что ты тусовщица, любишь покурлесить.

– Да, возможно. Но зачем мне врать насчет этого?

– Вот именно. Ты не врешь. Ты на самом деле девственница.

– То, что вы мне верите, не означает, что вы это я.

– Ты права. – Я почесываю подбородок. – Ты завалила экзамен по химии за второй семестр, и тебе пришлось пересдавать его в выпускном классе, потому что не хватало баллов для поступления в колледж.

– Не очень вежливо попрекать меня этим, но что правда, то правда. Я просто не сильна в естественных науках.

– Я тоже, – пожимаю плечами.

– Но это все равно не доказывает, что вы это я. Вам мог рассказать это любой из моих одноклассников. – Лекси опускает глаза на голое запястье, словно проверяет время. – Все, с меня хватит. Я протрезвела и реально начинаю опасаться за свою безопасность. Потому что вы смахиваете на ненормальную. Уходите, я на полном серьезе.

– Подожди, подожди! Дай мне подумать! – умоляю я.

Лекси подходит ко мне, вытягивает перед собой руки и... со всей силы толкает меня:

– Убирайтесь!

Невзирая на мои протесты, она продолжает выталкивать меня из комнаты, пока не выпирает в коридор. Я должна что-то придумать! Мне некуда больше пойти. Эх, насколько было бы проще, если бы она не выбалтывала о себе всем и каждому практически все. Не сказав больше ни слова, Лекси хлопает дверью перед моим носом.

Именно на такое приветствие от нее я и рассчитывала.

Глава 8

Шлепанцы, что я украла из общежитской душевой, хлопают по тротуару – все еще мокрые после того, кто обувал их последним. Я не знаю, что делать. Моим домом в две тысячи втором году была комната в общежитии, из которой меня только что вытолкали взащей. Получается, что для меня нет места в этом мире. Я не могу попросить Эндрю о помощи, потому что мы с ним даже еще не знакомы. Мои подруги и приятели по колледжу не поверят мне, как не поверила Лекси. И почему я решила, что смогу вот так запросто вторгнуться в ее трешовую жизнь и сразу же заручиться ее содействием? До Лекси невозможно достучаться. Она упертая, как плохо обученный английский бульдог.

Бар «У Келли» – единственное место, кажущееся гостеприимным. Поскольку там работает Вероника. И в отсутствие денег, удостоверения личности или телефона это именно то, в чем я сейчас нуждаюсь. Возможно, рюмка горячительного поможет мне обдумать следующий шаг.

Я открываю дверь в бар – вытянутое, под стать коридору, помещение с барной стойкой, несколькими круглыми столиками, притулившимися к противоположной стене, и парой игровых автоматов в углу. В четыре пополудни бар почти пуст. Вот и хорошо. Потому что мне компания не нужна. Из проигрывателя-автомата тихо льется сингл «Сложно» в исполнении Аврил Лавин. Сложно, точнее не скажешь. Даже спустя четырнадцать лет Аврил меня понимает. В воздухе висит густой табачный дым. Его источник – двое мужчин в конце бара, попыхивающих сигарами.

– Да будет вам известно, что курить в общественных помещениях в Висконсине больше не разрешается! – кричу им я, пытаюсь отмахнуться от вездесущего дыма.

Мужчины прерывают разговор лишь на секунду, чтобы посмотреть на меня и посмеяться над моим замечанием. Тот, что постарше, откликается:

– Что за чушь? Да ты шутница, дорогуша.

Проклятие! «Не забывай, из какого ты времени, идиотка!»

Вероника за стойкой вскидывает голову; ее лицо просветляется при виде меня.

– Привет, не думала, что увижу тебя здесь так скоро, – говорит она, переставляя бутылки.

Я сажусь возле стойки, как можно дальше от двух джентльменов:

– И я не думала, что окажусь тут так скоро.

Вероника хихикает:

– Забавно, как бывает в жизни. Вот поэтому я никогда не строю планов. Не имей ожиданий – не будет разочарований.

А я думаю: «Вот именно поэтому я сейчас в том положении, в каком оказалась: никаких планов, ничего доведенного до конца».

– Что тебе налить? За мой счет, – добавляет Вероника.

Я знала, куда пойти.

– Водку с содовой и лаймом.

– Будет сделано.

Вероника наливает премиальную водку «Кетл Уан» вместо первого подвернувшегося под руку ликера.

– Полегчало хоть чуток? – спрашивает она, пододвигая ко мне крепкий напиток.

– Да практически нет. Все намного сложнее, чем я ожидала.

Вероника кивает:

– Так всегда.

Пригубив спиртное, я обдумываю свои варианты. Вообще-то я не знаю, есть ли они у меня, или все уже увековечено на скрижалях судьбы. Я могла бы покинуть этот город, вер-

нуться в Чикаго и надеяться на то, что время в конечном итоге меня догонит. Хотя я не уверена в том, как работает время. Через четырнадцать лет я буду все еще тридцатидвухлетней или мне стукнет сорок шесть? Честно говоря, я не понимаю, что происходит с часовыми поясами или декретным временем⁵ при путешествии во времени и как они работают без этого. Здесь сейчас четыре пополудни, а, скажем, в Нью-Йорке восемь вечера? Что представляет собой время? И это даже не философский вопрос. Я правда не в состоянии его осмыслить. Вселенной пришлось бы изрядно напрячься, чтобы подыскать более неподходящего человека для такого путешествия во времени.

А может, мне напиться до отключки и уповать на то, что я приду в себя уже в будущем? Ведь именно так я оказалась здесь. То есть это последнее, что я помню, – как хлебала из горла самогон. Пожалуй, в этом что-то есть. Да! Почему бы не попробовать изменить направление временного тоннеля? Освою перегонку браги из картошки или кукурузы. Или из чего там водка делается. И буду пить ее до две тысячи шестнадцатого года. Бум! Обратное перемещение во времени; квантовое уравнение решено. Уф, боюсь, этот способ не работает.

И Лекси здесь... чего я не ожидала, не желала. Это может означать, что она ключ к разрешению моей паршивой ситуации. Я хочу сказать: эта девчонка легкомысленна. Неудивительно, что у меня такая жалкая жизнь. Нутром чую. Это она виновата в том, что моя жизнь не задалась.

Я хлопаю себя ладонью по лбу. Ну конечно же! В этом все дело. Я должна изменить себя восемнадцатилетнюю, и тогда для меня все изменится к лучшему. И я смогу вернуться назад, тьфу, то есть вперед, в будущее, из две тысячи второго года. Если мне удастся убедить Лекси перестать пить, начать нормально учиться и относиться к жизни серьезно, тогда я наконец сумею возвратиться домой. Она, Лекси, проблема. Это ей необходимо измениться. Вот почему вселенная послала меня в прошлое: чтобы я исправила ее, наставила на путь истинный. Я решение. Она проблема. Мне просто надо заставить Лекси это осознать. Я взываю во всеуслышание, потому что сознаю: у меня гораздо больше шансов покончить с бедностью или установить мир во всем мире.

Водка с содовой начинает согревать меня изнутри.

– Эй, Вероника, скажи...

– Что? – откликается она, скосив на меня взгляд от ополаскиваемых бокалов.

– Если бы ты захотела, чтобы тебе кое-кто доверял, как бы действовала?

Вероника поднимает бровь:

– Доверие заслуживают.

– О'кей. Бог с ним, с доверием. Сформулируем по-другому. Как бы ты убедила человека принять твою помощь?

– Речь о том твоём бывшем?

– В некотором смысле. – Я делаю глоток. Технически – да.

Если Лекси не позволит мне помочь ей, я не смогу вернуться в свое время и наладить испорченные отношения с Эндрю, прежде чем он переключится на какую-нибудь девицу. Будучи так далеко от любимого, я скучаю по нему просто безумно. Не зря говорят: разлука усиливает любовь, между нами сейчас дистанция в четырнадцать лет. Любить еще сильнее мое сердце попросту не смогло бы. Не выдержало бы. Будь Эндрю здесь, он выступил бы голосом разума в такой ситуации. Наверняка посоветовал бы мне притормозить, не рубить сплеча, дышать глубже и расслабиться.

– Невозможно помочь тому, кто не готов помочь самому себе, – изрекает Вероника, отвлекая меня от упомянутых мыслей и дыхательных упражнений. – Но, по-моему, не стоит воспринимать «нет» как окончательный ответ. Люди рано или поздно сдаются и уступают либо

⁵ Декретное время в географии – порядок исчисления времени «поясное время плюс один час».

доходят до крайней точки, когда уже хуже некуда, и это вынуждает их обратиться к кому-нибудь за помощью, – добавляет Вероника, ободряюще улыбнувшись мне.

Я допиваю водку с содовой. Залпом. Вероника права. Не нужно пасовать перед «нет». Я должна заставить Лекси принять мою помощь.

– Хочешь еще? – спрашивает барменша.

– Нет, но я воспользуюсь твоим советом. Заставлю Лекси дойти до самой крайней точки. – Готовая к бою, я соскакиваю с табурета.

Вероника кидает на меня озадаченный взгляд:

– Речь шла не о...

– Спасибо за угощение! – кричу я ей через плечо и, вылетев из бара, бегу обратно к Северному Скотт-холлу.

Не проходит и десяти минут, как я уже стою перед дверью в общежитскую комнату Лекси и яростно стучу в нее кулаком. Мысленно я снова и снова повторяю новую мантру, готовясь помериться силами со своим злейшим врагом – самой собой восемнадцати лет. «Не воспринимай „нет“ как окончательный ответ. Заставь ее впустить тебя в комнату. И доведи ее до крайней точки!»

Лекси открывает дверь; увидев меня, она мгновенно шурится:

– Это опять вы?

– Да, я... то есть ты, – сверкаю на нее глазами я. – И на этот раз не приму отказа, Лекси. Тебе придется смириться с тем, что я это ты. Ты прислушаешься к моим советам и наставлениям, как будто я твоя добрая фея. И я останусь с тобой. Поняла?

– Вы больны на всю голову, – шипит Лекси, толкая на меня дверь.

Выставив вперед ногу, я пинаю несчастную дверь с такой силой, что Лекси падает и приземляется на пятую точку.

– Вот так-то! Я крупнее и старше тебя. И ты теперь не просто слушаешься меня во всем, а беспрекословно подчиняешься мне, – выпаливаю я, переступая порог и закрывая за собой дверь.

– Какого черта? Помогите! – вопит она.

«Ладно, я немного перегнула палку», – признаю я и тотчас же пытаюсь успокоить Лекси. Уж кто-кто, а я отлично понимаю: таким путем до нее не достучаться.

– Перестань орать.

Я зажимаю ладонью рот Лекси, чтобы приглушить ее крики. Выпучив глаза и размахивая руками, девушка пытается отбиться.

– Просто выслушай меня, Лекси, – шепчу я. – Я это ты. Я застряла здесь, в две тысячи втором году, и не смогу вернуться в свое время, если ты мне не поможешь. Так что я от тебя не отстану. Куда бы ты ни пошла, я буду рядом. На занятия... гм, ты туда фактически не ходишь... Но вот на вечеринки и тусовки с твоими друзьями я буду ходить вместе с тобой. И когда пойдешь в столовую и куда угодно еще. Отныне я твоя тень. Можем по-хорошему, а можем по-плохому.

Лекси широко разевает рот и впивается зубами в мою руку.

Укусила, да как сильно! Вскрикнув от боли, я отдергиваю руку от ее стиснутых челюстей:

– Да что ж ты такая несговорчивая?

– Помогите! Она пытается убить меня! – вопит Лекси.

– Замолчи! – Я снова зажимаю ей рот, всей пятерней, растопырив пальцы в стороны, чтобы ей больше не удалось меня укусить.

Лекси драматично дышит носом: большие, надрывные вдохи чередуются с большими, натужными выдохами. А потом стряхивает мою руку с лица и пятится.

– Я не собираюсь тебя убивать. Но не убью я тебя по одной-единственной причине: уверена, что тоже умру, – говорю я, вытирая одеялом Лекси ее слюну со своей руки.

- Что вы от меня хотите? – спрашивает она.
- Только одного: чтобы ты мне поверила, что я это ты.
- Хорошо, я вам верю, – бормочет Лекси, оглядывая комнату.
- Нет, не веришь. Не ври мне, – предостерегаю я, поведив указательным пальцем в воздухе.
- Ага, я поняла!
- Что вы поняли?
- Наставив палец на Лекси, я ухмыляюсь:
- Как тебя убедить. У тебя не было месячных до шестнадцати лет.
- Лекси откашливается:
- Во-первых, вы попираете все приличия. А во-вторых, это неправда. У меня месячные начались в четырнадцать лет. – Лекси встает и вызывающе скрещивает на груди руки.
- Запрокинув голову, я захожусь хохотом:
- Вешай лапшу на уши другим, а я точно знаю, что это случилось в шестнадцать.
- Лекси топает и трясет головой.
- А еще ты подглядела в одном из эротических журналов Джастина... ну да, Джастина, нашего брата... что горячие девчонки там бреют... – Я указываю на ее (или наш) лобок. – Ты попыталась там все выбрить, а в результате порезалась так сильно, что извела несколько маминых прокладок. Мама заметила их нехватку. А когда она спросила об этом тебя, ты сказала, что у тебя начались месячные. И потом ты целых два года вынуждена была притворяться каждый месяц, будто у тебя менструация. И ссылалась на спазмы в животе, чтобы получить освобождение от физкультуры. Ты даже выбрасывала прокладки, которые покупала тебе мама. Но, перед тем как их выбросить, ты поливала их кетчупом. Чтобы не попасть впросак, тебе пришлось вести календарь своих ложных месячных. Почти двадцать четыре месяца! И это было хуже, чем если бы они приходили к тебе по-настоящему. – К тому моменту как я завершаю экскурс в нашу девичью историю, смех душит меня так, что из глотки вырываются хрипы вперемешку с посвистами.
- Откуда, черт возьми, вы это знаете? – чуть не задыхается от изумления Лекси.
- Ну как же мне этого не знать? Ведь я это ты.
- У Лекси отвисает челюсть.
- Я никому этого не рассказывала.
- Я тоже.
- О боже, – мотает в неверии головой Лекси. – Как такое вообще возможно? – Она все пятится и пятится, пока не упирается в преграду – свою неубранную кровать. Присев на нее против воли, Лекси смотрит на себя в зеркало, затем переводит взгляд на меня, изучает мое тело, пытается все осмыслить. Сравнивает себя со мной – каждую черту и линию.
- Я не знаю, как такое возможно. Но я здесь, и... – указываю на нее, – ты тоже.
- Погодите, – поднимается с кровати Лекси. – Вы не можете быть мной. У вас другой нос, и грудь намного больше моей.
- Я прикасаюсь к носу:
- Пластическая операция.
- Показываю на бюст:
- Пластика груди.
- Правда? – наклоняет набок голову Лекси. – Я всегда хотела грудные имплантаты.
- Знаю, – закатываю глаза я.
- Можно мне их пощупать?
- Думаю, да. Технически они твои.
- Лекси прикасается к ним, гладит, потом – уже смелей – приподнимает кверху и возвращает на место:
- Вау! Они классные!

– Спасибо.

– А что с носом? – нахмуривается Лекси. – Наш нос нормальный, зачем вы изменили его?

– Думаю, меня доконали все эти фильтры в соцсетях. В какой-то момент я возненавидела его. Ну и меня понесло. Чик-чик. Новый нос.

На лице Лекси отображается растерянность.

– Фильтры?

– Не бери в голову. Не заморачивайся этим сейчас.

– А ваши волосы? Что вы сделали с моими волосами? – Схватив несколько прядок за кончики, Лекси приподнимает их. – Это... ужасно.

Я шлепаю ее по руке, приглаживаю волосы:

– Да что ты говоришь? Это профессиональная стрижка. Лоб, длинный боб. И это мои волосы, не твои.

– Тут вы правы, – ухмыляется Лекси. – Я никогда не согласилась бы так себя изуродовать. – Сделав шаг назад, она окидывает взглядом свою фигуру в зеркале во весь рост; проводит руками по бокам. – Вы не такая красивая, как я. И не такая стройная.

Я вновь закатываю глаза, вздыхаю со стоном:

– Спасибо, Лекси.

Ее взгляд возвращается ко мне.

– Вам бы сбросить килограммов десять. И это я еще из вежливости говорю.

– Ты жуткая грубиянка. И, к твоему сведению, я года три назад сбросила почти двадцать килограммов. По-моему, я выгляжу чертовски хорошо, – заявляю я, разводя руками.

Лекси резко поворачивает голову в мою сторону.

– Что? Вы хотите сказать, что я буду толстой? Серьезно? После стольких усилий? – обижается Лекси.

– Ой, да расслабься! Я же сказала, что сбросила вес.

– Из чего следует, что вы его прежде набрали, – насупливается Лекси и устремляется к мини-холодильнику. – У вас есть ребенок или еще кто? – спрашивает она, изучая этикетки различных продуктов. Точнее, указанную на них питательную ценность.

– Нет. Я просто не заботилась о себе. Впала в небольшую депре... – осекаюсь я. – Вообще-то, это не твое дело. – Я не должна объясняться и оправдываться перед Лекси. Это мое тело. Я могу набрать вес. Могу его сбросить. Делать с ним все, что мне вздумается. Потому что мое тело – это именно *мое* тело.

– Это мое дело. Если вы – это я, тогда это и мое тело тоже, – говорит Лекси, выбрасывая в мусорное ведро пакет шоколадного молока.

– Довольно! Я здесь не для того, чтобы переживать за твое тщеславие в будущем. – Испустив тяжелый вздох, я потираю виски. – Мне надо понять, что я должна сделать или что должна сделать ты, чтобы я вернулась в свое время.

Лекси не реагирует, а продолжает вынимать еду из холодильника и швырять ее в мусорное ведро.

– Что ты делаешь?

– Выбрасываю все, где есть калории, – поясняет девушка.

– Прекрати! Ты еще долго не растолстеешь. Сосредоточься.

Я замечаю на ее столе старый бульварный журнал со сплетнями о знаменитостях. Обложка пестрит жирными буквами щекотливых заголовков: «Пэрис Хилтон – совершенство в 45 килограммах», «Кристина Агилера раздевается и набирает вес», «Бритни Спирс оказалась слишком мускулистой для Джастина?». Уф! Я опускаю журнал в мусорное ведро. Лекси не замечает. Поп-культура начала двухтысячных на самом деле испортила меня (а возможно, не одну меня, а всех женщин). Слава богу, что появилось такое движение, как бодипозитив.

– А может... – Лекси поворачивается ко мне, – вас послали сюда для того, чтобы предупредить меня о том, что я растолстею? И чтобы я могла предотвратить это?

Железная логика!

– Да, именно так. Я совершила путешествие в прошлое для того, чтобы предостеречь тебя от предстоящего набора веса.

Лекси, встав прямо, начинает делать выпады – отличные упражнения для накачки мышц и сброса веса.

– Никогда не знаешь...

– Нет, ты правда тупица. Меня отправили сюда, чтобы тебя изменить.

– Меня? Почему меня?

– Потому что ты причина того, что я не замужем, безработная и ничего толкового в жизни не сделала.

– Не забудьте о своих кошмарных волосах. И о животе. – Лекси ложится на пол и начинает делать кранчи – скручивания для укрепления брюшного пресса.

– А что не так с моим животом? – Я опускаю взгляд и подтягиваю чуть выше джинсы.

– У нас всегда был накачанный пресс.

– У тебя даже сейчас нет накачанного пресса. У нас не было и не будет хорошего пресса.

– Не говорите так! Будет! Уже этим летом, – возражает Лекси, выполняя кранчи еще быстрее. – Как бы там ни было, как вы можете обвинять меня в том, что вы такая лузерша? Я к вашим неудачам не имею никакого отношения.

– Еще как имеешь. Ты заядлая тусовщица, предпочитающая учебе пьяные вечеринки. И ты обрекаешь меня на самоуничтожение. – Я хватаю с холодильника батончик мюсли, разворачиваю его и откусываю.

Лекси приступает к новой серии выпадов:

– Мне больше нравится считать себя девушкой, не обремененной заботами и любящей повеселиться.

– Перестань это делать! – требую я.

– Делать что?

– Упражнения.

– А может, лучше присоединитесь ко мне? – Лекси окидывает взглядом мое тело и с отвращением морщится. – Я не против, чтобы вы подтянули мою задницу.

– Большие задницы в моде. Уже некоторое время.

– Ну да! Продолжайте этим тешить себя, раз наели такие шары.

– Да это форменный комплимент благодаря Кардашьянам, – ухмыляюсь я.

– Что за Кардашьян? – спрашивает Лекси.

Ах, ну да! Это же мир, в котором никто не знает, кто такая Кардашьян. Отрезвляюще. Я кладу наполовину съеденный батончик на холодильник и стряхиваю крошки с рук.

– Вот умница, – лыбится Лекси. – Вам давно пора отказаться от углеводов.

Да она просто пытается играть на моих нервах. Что ж, я поиграю на ее нервах еще сильнее. Взяв снова батончик, я запихиваю оставшуюся половину целиком в рот.

Лекси делает выпад – на этот раз к мусорной корзине. И подставляет ее к моему лицу:

– А ну выплюньте это немедленно!

Я тяжело сглатываю:

– Слишком поздно. Все уже в животе. – Открыв рот, я демонстрирую ей крупинки мюсли, прилипшие к зубам и языку.

– Вы мне отвратительны.

– Отлично. Наконец мы на одной волне. Так что вернемся к нашим баранам. Дай мне подумать. Что я делала до того, как очутилась в две тысячи втором году? Пила вино и водку...

– Так, так, так, – перебивает меня Лекси. – И вы еще утверждаете, что это я любительница выпить? Похоже, яблоко от яблоньки недалеко падает.

– Что ты несешь? Я не твоя родительница, дурочка.

– К слову, о яблоках... – Лекси выуживает из корзины «ред делишес». – Сколько в каждом калорий?

– Не знаю... сотня будет?

– Да ладно! Трехзначное число? Да ты, браток, обманщик под красивой личиной. – Лекси бросает яблоко в мусорную корзину.

– Ты можешь сосредоточиться?

– Я сосредоточена. – Лекси швыряет в мусорку еще одно яблоко.

Я массирую лоб, силюсь вспомнить:

– Да... я разглядывала свои старые фотографии... то есть твои... и в какой-то момент пожелала вернуться и все исправить. – Я щелкаю пальцами. – Вот! Я здесь, чтобы тебя исправить.

– Я так не думаю. – Лекси перебрасывает свои длинные, светлые, ненатуральные волосы через плечо. – Я хороша такая, как есть. Можно даже сказать, я само совершенство, – улыбается девушка.

И вдруг ее щеки надуваются, по лицу пробегает удивление. Лекси хватается мусорное ведро и извергает в него фонтан рвоты.

Я поглаживаю ее по спине, пока она продолжает исторгать выпитую накануне водку и, судя по виду, остатки пиццы:

– Да, Лекси, ты просто совершенство.

Глава 9

В конечном итоге Лекси смиряется с тем, что с нами произошло. Или, по крайней мере, я думаю, что смиряется. Я сказала ей: если она хочет, чтобы ее жизнь вернулась в прежнее русло, ей надо слушаться меня. Иначе я точно застряну в две тысячи втором году вместе с ней. «Да, да, да», – отмахнулась от меня Лекси и снова улеглась в постель. Я уверена: она надеется на то, что, проснувшись, избавится от наваждения в виде меня.

Поскольку мне тоже предстоит жить в ее общежитской комнате, я взяла на себя смелость прибраться в ней, пока Лекси не пришла в себя. Работа над ней грозит обернуться сущим кошмаром. Я пробыла здесь всего несколько часов, а она уже успела оскорбить меня, напасть на меня и вырубиться, а перед этим ее стошнило. Она несносная.

Лекси зевает, вытягивает руки и трет глаза.

– Вы все еще тут? – спрашивает она и тут же делает угрюмое лицо.

– К сожалению. И я позволила себе разобрать твой бардак, пока ты спала, – киваю я на комнату. – А еще мне потребуется новая одежда, раз я здесь застряла. Это все, что у меня есть, – добавляю я, указав на джинсы, запыленную белую футболку и рубашку с чужого плеча.

– Можете позаимствовать мою, – ухмыляется Лекси. – Правда, это будет смотреться так, словно баба с капустной грядки напялила на себя одежду Барби, – заходится смехом Лекси, хлопая себя по коленке.

Я, подбоченившись, смотрю на нее сверху вниз, как на вредного, непослушного ребенка. Каким она, в сущности, и является.

– Мне пришла в голову прекрасная идея! Я куплю вам новую одежду, если вы на выгодных условиях отложите для меня деньги за нее в будущем. Ой, нет! – взмахивает рукой Лекси. – Я передумала. Оплачу ваши шмотки кредиткой. Тогда вы сможете вернуть мне должок, когда вернетесь в свое время, – ухмыляется девушка.

– Правильно, давай испортим свою кредитную историю. Отличная идея, Эйнштейн, – закатываю глаза я.

– Но ведь это несправедливо, что мне приходится за вас платить.

– Ты фактически живешь на студенческие кредиты, Лекси, которые я выплачиваю до сих пор, уже четырнадцать лет.

– Сдается мне, вам следовало бы больше и усерднее работать, – заявляет Лекси.

Я тру переносицу, делаю глубокий вдох:

– Давай сосредоточимся на том, что сейчас. Что мы будем всем говорить? Моя версия: я твоя старшая сестра и поживу у тебя немного, потому что моя квартира сгорела.

Лекси смеряет меня взглядом с головы до пят:

– Как будто кто-то поверит, что я с вами в кровном родстве.

– Мы очень похожи.

– Если не считать вашего размерчика, этих ужасных волос, изуродованного носа (а он у нас был такой милый!) и этой огромной груди, которую, если честно, мне не терпится заиметь, – парирует моя восемнадцатилетняя версия.

– Лекси, – указываю на свое тело. – Я это ты. Ты говоришь сейчас гадости самой себе. Фактически клеветешь на себя.

– Да по барабану, Алексис. Вы мне просто завидуете, – вздергивает подбородок Лекси.

Я со стоном трясую головой. До чего же она любит ломать комедию! Не знаю, как я с ней уживусь. С тех пор как меня сюда занесло, я постоянно борюсь с желанием придушить Лекси подушкой. Вынуждена бороться, потому что вопрос о том, насколько верна моя теория о нашей одновременной смерти, до сих пор остается открытым.

– О, мне пришла в голову потрясающая идея, – выпаливает Лекси, просяив. – Какие выигрышные номера в сегодняшней лотерее?

– Понятия не имею. С какой стати мне это помнить?

– А вы помните хоть какие-то выигрышные номера, за любой другой день? – склоняет набок голову Лекси.

– Нет.

– От вас никакой пользы, – всплескивает руками девушка, хлопает себя по ногам. – Вы хотя бы можете рассказать мне какой-нибудь крутяк о будущем?

– Не уверена, что это следует делать, – поджимаю губы я. – Что, если эта ситуация изменит все будущее?

– Тем более! И потом – можно подумать, я что-то запомню... Я едва помню вчерашний вечер. Ну же, расскажите мне что-нибудь. Ну пожалуйста-пожалуйста!

– Ладно. Честно говоря, оно не сильно отличается от настоящего. Технологии, конечно, продвинулись. У нас есть айфоны, социальные сети и эмодзи. И так общается большинство из нас. А! Еще есть сетевые маркеты. «Амазон» завоевал весь мир. Там все что хочешь. Просто берешь и оформляешь покупку одним нажатием на клавишу. А дня через два или того меньше эта покупка ждет тебя на пороге.

Лекси смотрит на меня, как баран на новые ворота:

– Я понятия не имею, что означают все эти слова, и с чего мне должно захотеться покупать книги быстрее? Я их и не читаю. – Девушка указывает на стопку учебников в пластиковых обложках, возвышающуюся на ее письменном столе у меня за спиной.

– На «Амазоне» продаются не только... – Я осекаюсь. – А знаешь что? Не загоняйся. Ты все равно все это узнаешь, когда придет время. Не стоит забивать свою маленькую головку ненужными знаниями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.